

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 30 ИЮЛЬ 1973

XXIV СЪЕЗД КПСС ПРОГРАММА МИРА

ОДОБРЯЕМ!

ВО ИМЯ МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 30 (2403)

21 ИЮЛЯ 1973

© «ОГОНЕК», 1973

Москва, Кремль. 11 июля 1973 года. Вручение международной Ленинской премии товарищу Л. И. Брежневу.

Фото А. Гостева.

За выдающиеся заслуги в борьбе за сохранение и укрепление мира Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». 11 июля в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное собрание, посвященное вручению этой премии Леониду Ильичу Брежневу.

В зале дворца собрались представители партийных, советских, общественных организаций, рабочие заводов, фабрик и строок столицы, труженики сельского хозяйства Подмосковья, видные деятели науки и культуры, представители Советских Вооруженных Сил.

Здесь же в зале — члены партийно-правительственной делегации ДРВ, находившейся с официальным дружественным визитом в Советском Союзе, послы социалистических стран, аккредитованные в СССР, а также иностранные гости — участники Международной консультативной встречи по подготовке Всемирного конгресса миролюбивых сил, лауреаты международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Бурными, продолжительными аплодисментами собравшиеся встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева. Вместе с ними места в президиуме заняли Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан, член Политбюро ЦК ПТВ, Премьер-Министр правительства ДРВ Фам Ван Донг, член Политбюро ЦК ПТВ, заместитель Премьер-Министра правительства ДРВ Ле Тхань Нги.

За столом президиума — председатель Комитета по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами» Д. В. Скобельцын, члены комитета Н. Н. Блохин, Г. Трайков, Н. В. Томский, Р. Гуттузо, М. Вире-Туоминен. Здесь же заместители Председателя Президиума Верховного Совета СССР, заместители Председателя Совета Министров СССР, Председатели палат Верховного Совета СССР, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, МГК и МК КПСС, руководители министерств и ведомств, представители общественности.

Торжественное собрание, посвященное вручению международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Генерально-

му секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу, открыл председатель Комитета по международным Ленинским премиям академик Д. В. Скобельцын, который в своей речи отметил, что присуждение товарищу Л. И. Брежневу международной Ленинской премии мира отразило волю самых широких слоев международной общественности. Он подчеркнул, что этот акт знаменует международное признание выдающихся заслуг товарища Л. И. Брежнева в борьбе за укрепление мира между народами. Д. В. Скобельцын огласил постановление комитета от 19 апреля 1973 года о присуждении международных Ленинских премий «За укрепление мира между народами» за 1972 год и под бурные аплодисменты присутствующих вручил Л. И. Брежневу диплом лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и золотую нагрудную медаль.

Затем с приветственными речами выступили: слесарь первого инструментального цеха Московского автозавода имени Лихачева, Герой Социалистического Труда В. С. Павловский; Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуан; член Комитета по международным Ленинским премиям, секретарь Болгарского земледельческого народного союза, первый заместитель Председателя Государственного совета НРБ, председатель Национального совета Отечественного фронта, лауреат международной Ленинской премии Георгий Трайков; лауреат международной Ленинской премии, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра; учительница средней школы № 72 Киевского района Москвы, заслуженная учительница РСФСР З. А. Малахова; член Комитета по международным Ленинским премиям; член ЦК Итальянской компартии, лауреат международной Ленинской премии Ренато Гуттузо; член Комитета по международным Ленинским премиям, генеральный секретарь организации «Сторонники мира Финляндии», лауреат международной Ленинской премии Мирьям Вире-Туоминен; лауреат международной Ленинской премии государственный министр Иракской Республики Азиз Шериф. Выступавшие в своих речах горячо и сердечно поздравляли Леонида Ильича по случаю вручения ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и пожелали ему новых успехов в его благородной деятельности на благо Родины, партии, советского народа и всех простых людей мира.

Под бурные и продолжительные аплодисменты слово было предоставлено лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу.

ВО ИМЯ МИРА

Николай ТОМСКИЙ,
народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда,
член Комитета по международным Ленинским премиям
«За укрепление мира между народами»

В эти дни благодатного лета 1973 года меня не покидает чувство, что все мы стали свидетелями и участниками поистине великих исторических свершений. На наших глазах исполняются самые сокровенные, заветные чаяния людей доброй воли — мечты о мире, о мирном творческом труде во имя социального прогресса, во имя счастья наших детей!

Первые две трети XX века... Когда-нибудь человек будущего, перелистывая страницы истории, будет потрясен картиной страшных катаклизмов — войн, сотрясавших планету. Войн великих и малых, стерших с лица земли города и села, превративших в руины целые страны и унесших десятки миллионов жизней.

И чем ярче и реальней предстают предо мною страницы истории прожитых годов двадцатого века, ровесником которого являюсь — ведь я родился в 1900 году, — тем сильнее охватывает чувство ощущения великого рубежа и историчности дней, которые переживаем сейчас.

1971 год. Весна. Москва. Кремль. Дворец Съездов. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Мне выпала честь быть делегатом съезда, и я никогда не забуду торжественную и в то же время на редкость деловую, рабочую атмосферу съезда, намечавшую программу мира и созидания.

Никогда не уйдут из памяти минуты, когда раздался гром аплодисментов после слов Генерального секретаря Центрального Комитета нашей партии товарища Леонида Ильича Брежнева:

«Товарищи! Как видно из доложенного, минувшие пять лет были годами активной и напряженной деятельности нашей партии и государства в области международной политики.

Конечно, в международных делах не все зависит только от нас или от наших друзей. Не всюду мы двигались к намеченным целям так скоро, как хотелось бы. Ряд важных акций еще не доведен до конца, их значение проявится в полной мере позднее. Но общий баланс очевиден: за пять лет достигнуты большие результаты. Международное положение нашей Родины еще более окрепло, авторитет ее возрос, мирный труд советских людей надежно обеспечен».

Это были слова, полные гуманизма и глубокой веры в победу светлых сил мира над черными силами войны. Это были слова, полные надежды и любви к Человеку.

У большевиков слова не расходятся с делом, это подтверждается опытом жизни нашего государства.

Мир и коммунизм — братья... Вспомните: первая акция рожденного Советского государства — ленинский декрет о мире! Вспомните последовательную и неустойчивую борьбу Советского Союза в Лиге наций за разоружение, за мир. И не наша вина, что озверелый фашизм развязал вторую мировую войну и напал на нашу Отчизну. Бесславен, страшен был конец агрессоров...

Казалось, урок, данный историей, был достаточно весом, предметен. Но силы зла не унимались. Не успела остыть земля после пожаров второй мировой войны, как на смену тем огненным годам повеяли ледяные ветры «холодной войны». Над планетой возникла страшная угроза термоядерной катастрофы, грозящей гибелью человечеству, цивилизации...

Коммунистическая партия, верная заветам Ленина, приложила все силы, чтобы остановить войну, «выиграть мир». Этому подтверждением были решения исторического XXIV съезда нашей партии, это подтверждают события последующих двух лет.

Всего два года! Но как изменился «климат» нашей планеты! Как заметно растаяли льды «холодной войны», насколько заметно окрепли силы мира! Какие поистине огромные усилия проявила наша страна, Коммунистическая партия, лично товарищ Л. И. Брежнев в осуществлении ленинских заветов о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем!

У всех свежи в памяти исторические поездки Л. И. Брежнева в ФРГ, Соединенные Штаты Америки и во Францию. Я, как и все, с удовлетворением знакомился с решениями, принятыми во время этих визитов...

И снова судьба позволила мне стать участником события незабываемого.

11 июля 1973 года. В этот день в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное собрание, посвященное вручению международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Леониду Ильичу Брежневу.

Прозвучали слова многочисленных приветствий, поздравлений. Люди разных континентов, государств с различным социальным устройством

донесли до нас с высокой трибуны тепло миллионов сердец, благодарных Леониду Ильичу Брежневу за его благородную деятельность во имя мира и социального прогресса...

Яркая речь Леонида Ильича была прослушана с огромным вниманием. Простота, откровенность, высокий гуманизм, доверительность наполняли глубоким волнением наши сердца. Ведь вопросы мира сегодня — это вопросы жизни и смерти человечества, расцвета или гибели цивилизации.

«Для нас, советских людей, — сказал Л. И. Брежнев, — активная борьба за мир — это отнюдь не временная, конъюнктурная задача. Это — наш принципиальный, сознательно определенный, постоянный курс, который мы проводим в братском единстве со всеми странами социалистического содружества».

Продолжительными аплодисментами встретил зал эти слова.

«...Осуществляя заветы великого Ленина, XXIV съезд нашей партии выдвинул реалистичную и, как показала жизнь, плодотворную Программу мира. Эта программа вдохновлена высоким стремлением — добиться, чтобы небо над землей всегда было чистым, чтобы навсегда умолкли орудия, а ракеты использовались только для мирных дел, чтобы неисчерпаемые силы ядерной энергии служили исключительно целям созидания, целям добра и счастья трудящихся. Вот почему наша Программа мира пользуется у рабочих и крестьян, у всех, кто занят мирным трудом, огромным уважением и признательностью, получает с их стороны растущую и все более действенную поддержку».

Я смотрел в зал. Строители нового мира — рабочие, ученые, колхозники, художники — с неотрывным вниманием слушали проникновенную речь Л. И. Брежнева. Каждое его слово касалось любого из нас, нашей судьбы...

«Справедливо говорят, что опыт — это, прежде всего, память, память поколений. Наш опыт учит: мир не приходит сам собой. За него надо бороться. Чтобы отстоять независимость и честь страны, само право жить, быть полноправным хозяином своей земли и своей судьбы, приходится порой идти на самые тяжелые жертвы».

Пятьдесят пять лет назад первое поколение советских людей приступило к революционному преобразованию России. Сегодня Советский Союз — могущественное, свободное государство, уверенно идущее к коммунизму. Но разве можно забыть, что на каждые полтора года мирного строительства в нашей истории приходится год войны или восстановления разрушенного войной?

Сейчас середина лета — пора, когда цветущая природа раскрывает все свои богатства, свои неисчерпаемые возможности. И мы вместе с ней радуемся жизни, ощущаем полноту трудового человеческого счастья. Но советские люди не забыли и не забудут, что в один из таких же летних дней, тридцать два года назад, взрывы фашистских бомб и снарядов затмили восход солнца.

Я мгновенно вспомнил 1942 год. Ленинград. Выборгский район. Черные дни блокады. Сухой стук метронома. Выбитые окна в моей мастерской. Наметенные сугробы снега вокруг скульптур. В небе немой шорох прожекторов. Стылую гладь закованной в лед Невы, и сотни людей, нет, теней, бредущих к прорубям. Распахнутые настежь двери пустых квартир. Гулкое эхо шагов на лестничной клетке. Огромные глаза голодных детей.

Этого не забыть.

Прошла треть века. Отгремели салюты великих побед. Зажили раны войны. Наша Родина — гигантская стройка, устремленная в завтра. И поэтому сегодня как никогда ясно все безумие войн и необходимость прочного мира на земле.

И ответ на все эти раздумья звучал в словах Л. И. Брежнева:

«...Лучший вид защиты мира — это дальнейшее активное продолжение нашей миролюбивой политики, дальнейшее продолжение нашего, как теперь говорят, мирного наступления».

Апрельский Пленум ЦК КПСС поручил Политбюро ЦК продолжать активно бороться за полную реализацию Программы мира, стремясь к тому, чтобы благоприятные перемены, которые все больше ощущаются сейчас в международной обстановке, приобрели необратимый характер. От имени всех моих товарищей по Политбюро, по Центральному Комитету партии я хотел бы заявить: Мы не пожалеем сил, чтобы выполнить этот «мандат мира», данный нам партией, всем советским народом».

Бурными аплодисментами встретили эти слова.

«Мандат мира». Это символ благородной деятельности нашей партии, нашего народа, стоящего на страже мира. И народы нашей планеты верят, что дело мира находится в верных руках. Поэтому с таким единодушием, в едином порыве поднялись люди в зале Большого Кремлевского дворца, стоя приветствуя бурными, продолжительными аплодисментами Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, который в заключение сказал:

«Принимая Ленинскую премию мира, я хочу заверить нашу партию, советских людей, всех людей доброй воли, что буду делать и впредь все от меня зависящее ради достижения самой прекрасной, самой гуманной цели. — цели, заключенной уже в самом названии присужденной мне награды, — укрепления мира между народами».

Никогда, наверное, не забудутся эти дни лета 1973 года. Однако часы истории отсчитывают новые минуты и дни нашего века.

...Я вижу сегодня нашу планету, объятую великим стремлением к миру. Человечество в эти дни с какой-то особенной ясностью представило себе всю разумность пути мирного сосуществования, и именно сегодня необычайно контрастно предстали пред людьми доброй воли злые силы, стремящиеся остановить этот могучий процесс, вернуть вспять леденящий климат конфронтации, возродить вновь атмосферу подозрительности, ненависти, страха.

Нам нужен мир, чтобы строить города, растить детей, писать картины, сочинять музыку, любить, а не жечь нашу планету в атомном котле!

В этом неумолимая логика нашего времени.

Леонид Ильич Брежнев выступает с речью на торжественном собрании 11 июля в Большом Кремлевском дворце.

Фото А. Гостева.

Фото А. Гостева.

13 июля в Большом Кремлевском дворце состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию II съезда РСДРП, съезда, на котором была образована великая ленинская партия.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами встретили собравшиеся товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова.

Торжественное заседание открыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

В заключение своей речи товарищ Л. И. Брежнев сказал:

«Перед нами открыты светлые перспективы — перспективы коммунизма. Мы уверены в своих силах. На нашей стороне — мировой рабочий класс, все трудовое человечество.

Дело, начатое Лениным, победит!»

Эти слова речи товарища Л. И. Брежнева были встречены бурными, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И. Брежнев предоставил слово для доклада «Второй съезд РСДРП и его всемирно-историческое значение» члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС тов. М. А. Суслову.

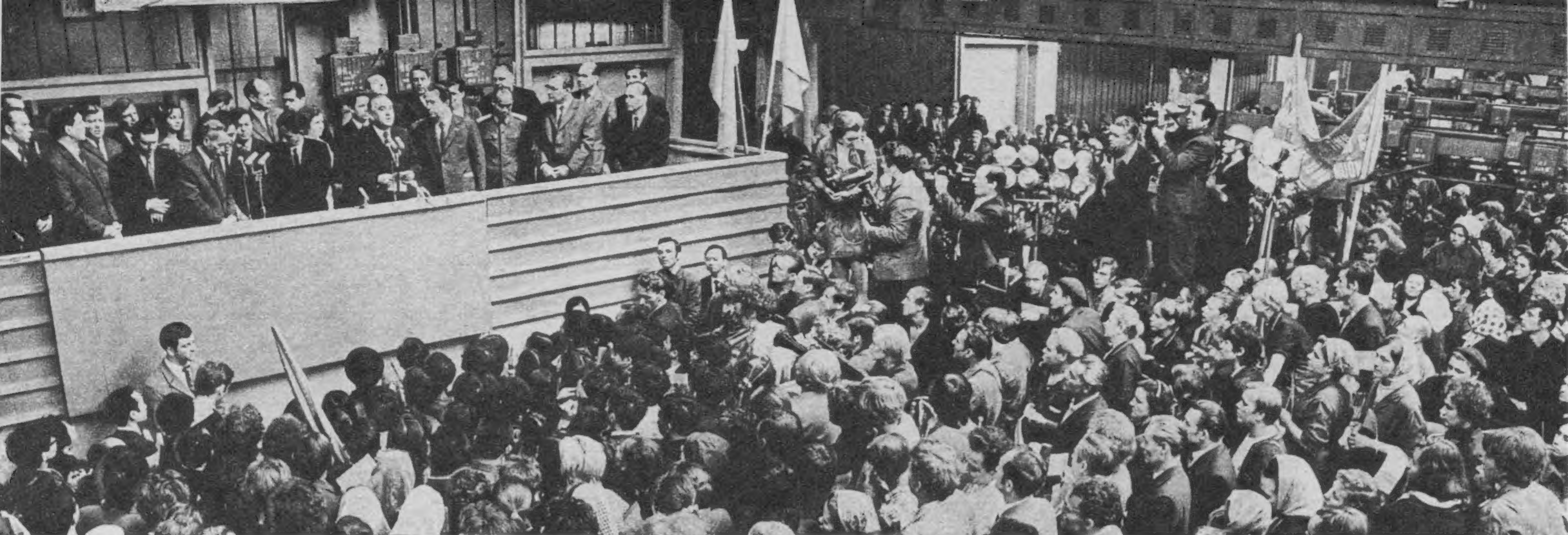
Доклад тов. М. А. Суслова был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ КОММУ

НИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Митинг советско-вьетнамской дружбы на заводе имени И. А. Лихачева. Сердечно встретили собравшиеся своих гостей.

ВИЗИТ ВЬЕТНАМСКИХ ДРУЗЕЙ

Проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

По-братски, как самых дорогих гостей, принимали советские люди партийно-правительственную делегацию ДРВ во главе с Первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном и членом Политбюро ЦК ПТВ, Премьер-Министром правительства ДРВ Фам Ван Донгом.

Многотысячный митинг советско-вьетнамской дружбы, посвя-

щенный встрече с партийно-правительственной делегацией ДРВ, состоялся на Московском автозаводе имени И. А. Лихачева.

Выступивший на митинге товарищ Ле Зуан выразил «всем советским коммунистам, всему советскому народу искреннюю и глубокую благодарность Партии трудящихся Вьетнама, правитель-

ства Демократической Республики Вьетнам и вьетнамского народа за горячую симпатию и огромную, ценную и эффективную поддержку и помощь».

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР 12 июля устроили в Большом Кремлевском дворце прием в честь де-

легации Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам.

13 июля делегация Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ отбыла из Москвы в Ленинград.

Ленинградцы сердечно встретили членов партийно-правительственной делегации ДРВ.

13 июля партийно-правительственная делегация ДРВ во главе с товарищами Ле Зуаном и Фам Ван Донгом побывала на Кировском заводе, где состоялся митинг советско-вьетнамской дружбы.

Вьетнамские гости посетили крейсер «Аврора», побывали в Смольном, в Разливе, где осмотрели исторический памятник-музей «Шалаш».

Партийно-правительственная делегация ДРВ посетила Кронштадт. На крейсере «Киров» состоялась встреча посланцев героического Вьетнама с офицерами и моряками краснознаменного крейсера — ветерана дважды Краснознаменной Балтики.

Ленинград. Кировский завод. Здесь, у памятника В. И. Ленину, состоялся митинг советско-вьетнамской дружбы.

Фото В. Мастюкова и М. Блохина (ТАСС).

17 июля в Кремле открылась шестая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева,

Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

На снимке: С докладом «О состоянии и мерах по дальнейшему совершенствованию народного образования в стране и о проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» выступает член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат К. Т. Мазуров.

ПРЕБЫВАНИЕ А. П. КИРИЛЕНКО В ЛИВАНЕ

С 9 по 12 июля в Ливане по приглашению ЦК Ливанской коммунистической партии находился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко. Во время своего пребывания А. П. Кириленко имел встречи с президентом Ливанской Республики Сулейманом Франжье, с премьер-министром Ливана Такиэддином Сольхом.

Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко встретился с представителями руководства Ливанской компартии. Во встрече принимали участие Генеральный секретарь ЦК ЛКП Никола Шауи, члены Политбюро ЦК ЛКП Надим Абдель Самад, Жорж Хауи, Карим Мруа и Халиль ад-Дебс. В ходе состоявшейся беседы, которая прошла в обстановке братской дружбы и взаимопонимания, стороны информировали друг друга по актуальным вопросам деятельности обеих партий. Состоялся также обмен мнениями по некоторым международным проблемам.

А. П. Кириленко на торжественной церемонии, состоявшейся в Бейруте, вручил Генеральному секретарю ЦК Ливанской коммунистической партии Николе Шауи орден Дружбы народов, которым он был награжден в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР. Выступая с речью, А. П. Кириленко подчеркнул, что в этой награде выражена высокая оценка многолетней плодотворной деятельности товарища Шауи по укреплению дружбы между народами Ливанской Республики и Советского Союза, его большого личного вклада в освободительную, антиимпериалистическую борьбу ливанского народа, в защиту интересов трудящихся Ливана.

После вручения награды Николе Шауи А. П. Кириленко беседует с председателем прогрессивной социалистической партии Ливана, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» К. Джумблатом. В центре — Никола Шауи.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Н. А. Соколов.

НИКОЛАЙ СОКОЛОВ

/НИКС/

Когда в человеке зарождается художник? Когда в нем проявляется то особое, острое восприятие мира, которое нестерпимо хочется перенести на бумагу, на картон, на доску, на холст?.. Очень часто в самом раннем детстве. Мальчик Коля Соколов еще не знал азбуки, но решительно хватался за карандаш, когда видел что-то интересное. Особенно он любил лошадей.

О! Сколько было нарисовано лошадей, наверное, из них можно было бы составить целый табун. Вряд ли они были очень похожи на настоящих — у одних почему-то оказывалось пять ног, у других голова была неслыханных размеров. Впрочем, если не хватало искусства, его дополняло воображение. Когда мать подарила шестилетнему Коле коробку из черной жести с акварельными красками, он пришел в восторг и запомнил этот день навсегда. С блаженной улыбкой мальчик прикасался к краске мокрой кисточкой и опускал ее в стакан с водой. Вода становилась то алой, как кровь, то синей, как небо, то зеленой, подобно весенней листве. Волшебство!

От матери Коли, разумеется, не ускользнуло увлечение сына. Мария Алексеевна присматривалась к его рисункам и находила, что они раз от разу становятся лучше. Она была женщина образованная и понимала, что упорная увлеченность мальчишки может дать в конце концов добрые плоды. Ему было лет десять, когда она привела его в частную студию художника Мешкова. Предварительно были тщательно вымыты руки, вечно испачканные красками, и причесаны непослушные волосы. Но в студию Колю не приняли: мал еще!

Теперь, вспоминая об этом, Николай Александрович говорит:

— Тогда было такое чувство, словно кто-то разбудил меня во время интересного сна.

Одиннадцати лет Коля встретился с настоящим художником. Это был молодой человек, который приветливо потрепал мальчика по щеке и сказал:

— А ну-ка, покажи, что ты нарисовал!

Пока художник рассматривал его рисунки и акварели, Коля с жадностью глядел на художника и находил его превосходным человеком. «Может, и я таким же буду», — думал он.

Это был Борис Владимирович Иогансон. Лет через пятнадцать они снова встретились: зрелый мастер и молодой, но уже примеченный художник Николай Александрович Соколов — один из участников великолепного творческого содружества Кукрыниксов — Никс.

Коля, москвич по рождению, поступил в одно из московских реальных училищ — обычное казенное училище с учителями в вицмундирах и строгими надзирателями. Однако случилось так, что именно его окончил в свое время Михаил Васильевич Нестеров, а одновременно с Николаем Соколовым там набирались премудрости художник Петр Вильямс, известный кукольник Сергей Образцов и будущий писатель Роман Пересветов. После революции соседи по парте — Соколов и Пересветов — «издавали» классный журнал, который свирепо назывался «Буржуазный кровопийца». Пересветов писал стихи, а Соколов рисовал карикатуры и шаржи. Может быть, 1919 год и следует считать началом творческого пути художника? Впрочем, до выхода на большую дорогу, где его ждали признание, успех и слава, было еще далеко.

Голодно жилось в Москве в девятнадцатом-двадцатом годах, голодно и холодно. Мать Николая Соколова увезла своих детей в Рыбинск к родственникам: детей было шестеро, старший из них — 17-летний Коля — опора и надежда.

В Рыбинске мать поступила в управление сплава леса, а Николай — в управление водного транспорта. Должность была у него не бог весть

какая — конторщик, но паек шел, и это было самое главное. Скучны были канцелярские бумаги, которые надо было подшивать и расшивать, записывать в книги входящих и исходящих, но зато рядом была Волга с ее раздольем, оживленным движением пароходов и барж. Ветры доносили в город волнующие запахи полей и лесов, дышалось легко, и какое-то радостное возбуждение не покидало молодого парня Николая Соколова. Но, пожалуй, самым важным для него открытием в Рыбинске был двухэтажный дом несколько странного вида с нарисованными на стеклах окон какими-то фигурками, буквами и квадратами. Над домом красовалась вывеска «Студия ИЗО-пролеткульта». На большом балконе всегда сидели какие-то люди и рисовали.

Конечно, Николай Соколов в один прекрасный день, набравшись духа, внутренне робея и обливаясь потом от стеснения, переступил порог этого дома и предстал перед руководителем изостудии художником Михаилом Михайловичем Щегловым.

— Хочешь рисовать? — спросил он благодушно.

— Хочу, — ответил трепеща Николай Соколов.

— Давай попробуем...

В тот же вечер Николай Соколов стал у старенького мольберта, запачканного красками, и принялся на большом листе серой оберточной бумаги рисовать голову греческой богини в окружении искусственных роз — и богиня и розы были пропылены насквозь, но тем не менее рисунку удался.

Щеглов посмотрел на него, довольно улыбнулся и сказал:

— Дело пойдет!

Разумеется, он и не думал при этом, что окажется прорицателем и пророком, что этот конфузливый белокурый парнишка, стоящий перед ним, станет в будущем великолепным художником — академиком.

Михаил Михайлович Щеглов был прекрасным педагог и во всех отношениях примечательный человек — живой, остроумный, веселый, избрательный, любимец молодежи и всего города.

Когда Николай Александрович Соколов рассказывает о своем первом учителе, глаза его теплеют, и радостная, совсем молодая улыбка скользит по его лицу.

— В студии царил обстановка дружбы и общей привязанности, — дружно выезжали на этюды за Волгу, дружно и задорно спорили об искусстве, о политике, о чем угодно — спорили, но никогда не ссорились и не бранились, дружно оформляли спектакли, дружно рисовали плакаты, афиши, рекламу. Даже одно время учились акробатике — делали кульбиты и ходили по проволоке. Зачем? Сейчас не очень ясно. Уже с утра мы мечтали о встрече с Михаилом Михайловичем — так горячо любили студийцы своего наставника и учителя...

Но и скучная конторская служба в управлении водного транспорта принесла Николаю Соколову большую радость — не кто иной, как водники послали его учиться во ВХУТЕМАС. Пятьдесят лет тому назад, в июне 1923 года, 20-летний рыбинский конторщик и студиец Николай Соколов с путевкой райкомвода прибыл в Москву сдавать экзамен. И он был тощ, и чемоданишко его был тощ, но в голове гнездились дерзкие и решительные мысли: «Стану настоящим художником».

Однако на желанный живописный факультет поступить не удалось: все переполнено, и приема не было. Пришлось держаться на графический. Опять гипсовая голова, правда, без искусственных роз, экзаменационные волнения и трепетания, но, стиснув зубы, молодой Соколов работал внешне спокойно и даже невозмутимо: как-никак за плечами рыбинский опыт. В перерыв к его доске подошел пожилой человек с большой бородой, высоким лбом, в серой толстовке.

— Чей это рисунок? — спросил он.

Н. Соколов. РИМ. У КОЛИЗЕЯ.

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ.

Н. Соколов. СТАРЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ВОРЮ.

ПРИЧАЛ В ГУРЗУФЕ.

— Мой,— ответил Соколов без малейшего смущения: кто этот любопытствующий старик, он понятия не имел.

— На экзаменационной комиссии будет выделяться,— сказал пожилой человек с бородой.— Мне нравится. Дело пойдет!

Эти же слова сказал Соколову в свое время Михаил Михайлович: «Дело пойдет!»

— Кто это был? — спросил Соколов окруживших его товарищей.

— Тебя примут, можешь не беспокоиться. Это Фаворский, ректор. Понял?

ВХУТЕМАС двадцатых годов представлял собой шумную, буйную республику будущих художников. Здесь преподавали мастера разных школ и вкусов, начиная от крайне «левого» Д. Штеренберга и кончая крайне «правым» Д. Кардовским. Вместе с ними учили студенческую братию П. Кончаловский и А. Шевченко, А. Архипов и Р. Фальк, И. Машков и Н. Куприянов. Было от чего закружиться голове. Стены ВХУТЕМАСа, украшенные рисунками и плакатами всех видов и красок, не раз сотрясались от шумных дискуссий.

Николай Соколов с головой окунулся в эту жизнь, казавшуюся ему великолепной. Он почувствовал, что вступил в счастливую пору своей жизни. Было голодно, общежитие и десятирублевую стипендию дали не сразу, приходилось подтягивать ремень, но молодость и творческое горение сердца превозмогали все.

Академик Николай Александрович Соколов, посмеиваясь, рассказывает:

— Дошел я однажды до крайности и отправился на Сухаревку. Там делал портреты сухаревских торгашей по полтиннику за штуку. Лысый мясник кричит мне: «Художник, нарисуй у меня на голове прическу с пробором, а то не заплачу». Рисовал — не жалко. За день заработал два рубля в червонном исчислении — деньги для меня в ту пору немалые. Но больше на «Сушку» не ходил: уж очень было противно...

Во ВХУТЕМАСе Николай Соколов и познакомился с М. Куприяновым и П. Крыловым, такими же молодыми, веселыми ребятами, каким был он сам. Куприянов был высокого роста, худощав, носил пенсне с цепочкой за ухом, клетчатую рубашку, большой шарф и короткие серые брюки. Он казался мрачным и строгим, тем неожиданней были его остроты и заразительный смех. Крылов, напротив, был мал, но деятелен, энергичен, его душа всегда была раскрыта нараспашку для товарищей. Оба они трудились в стенной газете ВХУТЕМАСа «Красный Октябрь», заведующим там «Арап-отделом» — уголком юмора. Уголок этот занимал иногда не один метр, и когда он появлялся в стенной газете, то всегда вызывал смех публики — весело, задорно, остроумно рисовали Куприянов и Крылов, подписывавшие свои рисунки то «Крыкуп», то «Кукры». Вскоре к ним присоединился и Николай Соколов, который сумел привнести в их работу что-то свое, с его приходом в рисунках появились новые, острые грани. Так родилось необыкновенное благородное творческое содружество: Кукрыниксы.

— Это был для меня самый счастливый дар судьбы, — вспоминает Соколов.

Кукрыниксов как непревзойденных сатириков и карикатуристов знает вся страна да и весь мир. Их сатирическое оружие метко, сильно, страстно. Оно безотказно действовало в годы первых пятилеток, поражая бюрократов, разгильдяев, лодырей. Оно острием клинка рубило головы врагам в годы Великой Отечественной войны. Первым антифашистским плакатом, выпущенным через два дня после начала войны, был плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», на котором Гитлер изображался похожим на злобную крысу, вылезающую, как из норы, сквозь разорванный договор о ненападении.

Всю войну их сатирическое перо верно и преданно служило делу победы.

Кукрыниксы всем известны как блестящие художники — иллюстраторы Чехова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Сервантеса. Алек-

сея Толстого... Их рисунки не только раскрывают содержание книги, но и творчески обогащают и расширяют восприятие читателя, любой их рисунок — самостоятельное произведение искусства.

Однажды еще в годы молодости Николай Соколов делал дружеский шарж на Константина Сергеевича Станиславского. Великий актер и режиссер был болен, и врач разрешил войти к нему только кому-нибудь из троих. «Нельзя беспокоить больного,— заявил он,— вас слишком много». Станиславский был благодушен, доброжелателен и с интересом следил за работой художника. По окончании сеанса он проницательно посмотрел на Соколова и с пленительной своей улыбкой заметил: «Вот вы карикатурист, а глаза у вас добрые».

Очень верное замечание Станиславского находит яркое подтверждение в живописных работах Николая Соколова. Они светлые и радостные.

— Некоторые думают, что живопись для меня и для Куприянова с Крыловым,— говорил Николай Александрович,— это как бы хобби, побочное увлечение: художники-сатирики — и вдруг речные заводы, букеты цветов, вечерние закаты... Нет, в живопись я вкладываю свое восприятие мира. Я люблю то, что изображаю на холсте. В живописных работах — моя душа и сердце...

Стоит только ознакомиться с картинами Николая Соколова, как станет ясной примечательная черта его живописного творчества — искренность чувств. Его «Вечер на Волге» наполнен прелестью русского раздолья. Плавное и величаво несет свои воды могучая река. Скоро зайдет солнце, но долго еще будут играть его отблески в темнеющей воде. Благоустроенной тишиной наполнены привольные волжские берега, и даже бегущий по воде пароход не может ее спугнуть.

Лирична и трогательна картина Николая Соколова «Старый мост через реку Ворю». Он горячо любит Подмоскovie, его природу, навевающую мысли, ласковые и нежные, его рощи, речки, цветущие поляны. Но при этом ему вовсе не чужда красота иных мест: картины «Причал в Гурзуфе», «Рим. У Колизея» — тому живое свидетельство. Художник всегда стремится пробудить душевные эмоции у зрителя.

Полвека работают вместе Куприянов, Крылов, Соколов. Естественно, выработалась общность вкусов и взглядов. Но у каждого при этом сохранился свой индивидуальный творческий почерк.

Живописные мелодии Соколова звучны, нежны и, если так можно выразиться, добры. У него ведь действительно веселые, ласковые, добрые глаза.

Когда знаешь человека более сорока лет, он независимо от разности судеб становится для тебя родным. Николая Соколова, как и «Кукров», я знаю с 1932 года. Мы сидим вдвоем в его «квартире» на Чкаловской улице, в темноватом «кабинете», и перед нами возникают и уплывают силуэты и тени давно прошедшего. Нам радостно воскрешать в беседе былые годы, сопряженные с нашей молодостью. Мы с ним почти ровесники, и нам есть что вспомнить. Николаю Соколову — семьдесят. Возраст немалый, но я не нахожу в художнике гнетущих признаков старости. Он подвижен, бодр, жизнерадостен. Конечно, нападают время от времени разные недуги, да черт с ними!

— Работа — вот что самое главное! В работе — вся жизнь. Брожу пешком с этюдником по подмосковным лесам и радуюсь солнцу, свету, речной воде. Не разулился любопытствовать и удивляться — без удивления художнику нельзя жить. Не отмахиваюсь от общественных дел. Люблю бывать в Доме ученых, там я у них шеф и главный советник по разным художествам. Время сжато плотно, и его не хватает. Хочу быть нужным людям, и это помогает жить...

Нет, старость еще не пришла. Костер творчества Николая Соколова горит ярко.

И еще один театр — Вологодский драматический — закончил гастроли в Москве. Для московских зрителей, равно как и для самих вологодцев, это была первая и потому особенно волнующая, поначалу даже полная тревог встреча.

О чем же рассказали вологодцы москвичам? Каними мыслями поделились? Какая тема объединила спектакли театра? Ибо мы знаем: без своей темы театр существовать не может как сам по себе, так и в глазах зрителей. А она, эта тема, прослеживается почти сразу же.

Театр начинает гастроли спектаклем «Шел солдат с фронта» В. Катаева и заканчивает премьерой — инсценировкой романа Г. Маркова «Отец и сын». Из семи постановок четыре посвящены жизни людей села, их труду, их радостям и горестям, с ним же — трудом — связанным. Но тут не арифметика, а принцип.

Простота и в то же время величие героев, их стремление к счастью, мужество, взаимное участие — все привлекает, не оставляет равнодушным к происходящему на сцене.

Итак, казалось бы, тема названа: жизнь тружеников советской деревни. Но этим сказано слишком мало! Главное, что объединяет спектакли вологодцев, определяя лицо театра, — тема становления человека: верность людям, своему гражданскому долгу перед ними, естественная, насущная потребность всегда, при любых обстоятельствах быть Человеком...

Постепенно становится ясен замысел Михаила Юфы, главного режиссера театра. Село, деревня взяты им не потому, что режиссер хочет этим сказать: мол, здесь и только здесь существовали и существуют настоящие люди. Все тут глубже.

Вспомним заслуженную артистку РСФСР М. Щуко в спектаклях «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Хата с краю» М. Сторожевой, «Дороги, которые мы выбираем» М. Зарудного. В этих трех постановках актриса создает образ матери — самоотверженной, мудрой, ласковой, иногда чересчур будто требовательной, но всегда преданной своим детям, кормилице-земле, людям, ее населяющим...

И многие актеры, переходя из одного спектакля в другой, развивают образ своего героя, дополняя его новыми штрихами, добываясь широких обобщений, порой даже символичности. Таковы и герои заслуженного артиста РСФСР А. Семенова в «Отце и сыне», «Хате с краю»... Они разделены временем, но объединены прекрасными человеческими качествами, благородным умением трудиться, «ум и руки приложить» на пользу народа и страны.

Сказанное не означает, впрочем, что у актеров вологодского театра всего лишь одно амплуа. Нет, кто видел все спектакли вологодцев, сейчас же вспомнит ту же Щуко в роли Живки в «Госпоже министерше» Нушича, Семенова — в роли Марка Волохова в «Обрыве» по Гончарову...

В заключение хочется сказать несколько слов о премьере «Отец и сын» Георгия Маркова.

На интересном, значительном авторском материале театру удалось как нельзя более крупно воплотить СВОЮ тему становления Человека и мысль о преемственности поколений.

...Тайга. Непроступной и мрачной кажется она сначала. И такие же мрачные, угрюмые люди живут в ней. Враги. Спрятались от революции, выжидают своего часа, словно затаившиеся, изгнанные и прыжки хищные звери... А следующие сцены спектакля ослепительно контрастируют с той, первой. Коммуна приехала, Советская власть пришла!

Молодость, задор, неумную энергию привезли в глухие места с собой коммуны, вестники новой жизни. Насмешливый, озорной Митяй в исполнении В. Сумаронова, неловкий молчун Тереха — В. Павлов, мятущаяся, страдающая Лукерья в исполнении З. Антоновой, недоверчивый Флегонт А. Серезкина... И расступилась тайга, приняла в свои объятия замечательных, добрых и честных людей.

В будущем году Вологодский государственный драматический театр будет отмечать 125-летие своего существования: гастроли в Москве были интересным творческим отчетом.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фазу АЛИЕВА

Радость

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Река, чьи берега широки,
Спокойна нравом —
Ровен бег.
Речушек маленьких притоки
Едва ль заметит человек.

Да и река не замечает
Речушек маленьких труды:
Какая, где в нее втекает
И сколько
Ей несет воды.

Но грянет ливень
В вешний полдень,
И даже не поймет река,
Какая капля переполнит
И вытолкнет за берега.

Внезапный ливень! Дар чудесный!
И ты, любимый мой, таков.
Каким из сказанных мне слов,
Какой улыбкой — неизвестно
Я выбита из берегов.

ПОСЛЕ ШТОРМА

Вчера на Каспии штормило,
И все ненужное со дна
На берег
Выброшено было.
И вот — чиста, светла волна.
Хрустальной уподобясь чаше,
Морская емкость нежит взор...
Не так ли точно
В жизни нашей
Светлеет после бурных ссор?
Все,
Вынесенное слезами,
Все,
Выброшенное словами,
Забыто, как ненужный хлам,
И хорошо и сладко нам.

НЕ БОЙСЯ СЛОВ!

Ты говоришь,
Настолько дорога
Тебе любовь, что речь о ней безбожна
И что ее слова, как жемчуга,
А их найти почти что невозможно...

Но разве не из моря наших слов
Мы извлекаем
Редкое слово
И разве только ради жемчугов
Я век у моря простоять готова?

Люблю я море в утренних лучах
И в час заката.
О, как сердце бьется!
Морские гребни на крутых плечах
Несут оранжевые блики солнца!

В часы покоя море я люблю,
Когда волна
Мне робко лижет ноги.
Когда так безмятежно кораблю
Скользить по гладко-голубой дороге.

Люблю я море и в часы, когда
Волна напряжена
И своевольна.
И острым камнем кажется она,
Когда меня отталкивает больно.

Так пусть же морем обернется речь!
Не бойся слов!
Молчанью ужасаюсь.
Пусть дышит речь!
Со дна ее извлечь
Я жемчуг драгоценный постараюсь.

ПЯТОЕ СЛОВО

И на свадьбе и на тризне —
Всюду помним мы всегда:
Обязательны для жизни
Небо, солнце, хлеб, вода.

Но не их хочу я славить,
Хоть без них погибель нам,
Слово пятое добавить
К четырем хочу словам.

Небо без него не небо,
В душу солнца не впустить,

Без него
И вкуса хлеба
И воды не ощутить.

Чтобы длилась жизнь вселенной,
Чтоб не сгинуть ей во мгле,
Пятое,
Как дар бесценный,
Слово «дружба» на земле.

ТАЙНЫ МОРЯ

Еще вчера на берегу морском
Веселые ракушки золотились,
А вот сегодня
Сумрачным песком,
Сырым и серым, берега покрылись.

В глубокой тайне,
В темной глубине
То свет, то сумрак сотворяет море.
Остаться б ночью с ним наедине,
И эту тайну выведать бы мне
И общим достоянием сделать вскоре!

Мечтою с другом поделилась я,
А друг сказал:
Мечта твоя бесплодна —
Таинственность морского бытия
Таинственности вечности подобна.

И если б море было лишено
Чудес,
Не поддающихся разгадке,
То перестало б морем быть оно
И не было б стихов в твоей тетрадке,
Стихов о море.

МОЯ ДУША

Пока душа моя была ничьей,
Пока душа была разделена
На множество невидимых лучей,
Обогревала многое она:
То чьи-то погрузневшие глаза,
То слабенький подснежник на снегу,
То молодые птичьи голоса,
То ручеек, звенящий на бегу.

И это был веселый, легкий дар.
Так по какому праву, зная хочу,
Ты душу по единому лучу
Собрал в один необозримый шар?

Куда девать мне этот сильный свет?!
Смертельный он тебе сулит ожог,
Поскольку наилучшей из планет
Еще ты уподобиться не смог.

Большому солнцу нужен мир большой —
Долины, реки, горы и цветы...
Так почему же всей моей душой,
Мой милый, завладеть решился ты?

НА МОЕМ ПАНДУРЕ

Ах, на моем пандуре
Тысячи струн.
Они птицам в преддверье бури
Наверняка сродни.

Притронься рукой искусной
Хотя бы к одной струне —
Тысяча песен грустных,
Подсказанных жизнью мне,

Сразу возникнет, милый!
Но среди струн одна
Вечной владеет силой —
Это любви струна.

Тысячи струн печальных
Эта струна сильнее,
Тысячи струн печальных
Эта струна слышней.

Тысячи грустных песен
Не могут одной спугнуть...
Этим и мир чудесен,
В этом и жизни суть.

* * *

Уже не вижу промежутка
Меж памятью и забытьем.
Мне даже и подумать жутко,
Что не судьба нам быть вдвоем
И ты покинешь этот дом.

Страшусь я не минуты трудной —
Что жизни злая полоса?
Земля покажется безлюдной,
Бессмысленными небеса.

Застыну я в оцепененье,
Глухою стану навсегда
К таинственным речам растений
И к жизни птичьего гнезда.

Исчезнут краски,
Сгинут звуки,
И солнечный померкнет свет,
Опустятся безвольно руки
Как бы под гнетом долгих лет.

ОТРАЖЕНИЕ

Ты спросил, как могло у меня
Отразиться в одном только взоре
Столько нежности, столько огня,
Столько радости, ласки и горя,
Что ты тонешь в глазах, будто в море.

Взаимы

А росинка в бутоне цветка?
Не в ее ли материи тесной
Умещается свод наш небесный,
Солнце, радуга, и облака,
И мельканье птиц безвестной?

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Не всякий день на славу удастся,
Но перед сном не забывают горцы
Подкладывать в очаг
Сухой кизяк,
Чтобы огонь до света не иссяк.

И если путник,
Сбившийся с дороги,
Появится средь ночи на пороге,
То гостя непременно встретит дом
Очажным, нежно пахнущим теплом.

Горянка перед тем,
Как домочадцам
Раздать лепешки,
Что еще дымятся,
Лепешку с сыром лучшую берет
И возле очага ее кладет.

И если путник,
Сбившийся с дороги,
Появится средь ночи на пороге,
То в горском доме гостя ждет всегда
Горячая и вкусная еда.

И лучшая постель в жилище горца
Постелью гостя
Издавна зовется.
Своих детей балующая мать
На ней ребенку не позволит спать.

Для горца гость
Желаннее почета,
Замков не знают горские ворота.

Живут обычно горцы много лет.
Не в том ли долгожительства секрет,
Что не считают прожитыми днями
Те дни,
Что здесь проводятся с гостями,
Вернее, время не берет их в счет
И за гостеприимство воздаст?

И я горянка,
И в ауле горном
Гостеприимства золотые зерна
Сумела унаследовать и я.
На всей земле
Есть у меня друзья.

Под крышею жилища городского
Заветное для вас держу я слово,
Огонь очажный,
Свежую еду...
Друзья,
Добро пожаловать,
Я жду!

ВЕСНА ВОРВАЛАСЬ...

Двери весна распахнула.
Весна ворвалась в мой дом,
Смахнула кофту со стула,
Перевернула вверх дном
Рукописи,
А строчки
Запутала, как могла...

Ласточка в клюве листочки
Первые принесла,
Орлица в окно влетела,
Зарницу в клюве держа...
Весна отогрела тело,
Но зябнет моя душа.
Впервые за столько весен,
Ах, что же с тобой стряслось?!
Ты ландышей не принес мне,
Фиалок мне не принес.

Я КАЖДОМУ РАССВЕТУ РАДА

Я каждому рассвету рада,
Как будто мой вчерашний день,
В ночь уходящий без возврата,—
Чужая жизнь,
Чужая тень.

Всегда, какая бы забота
Вчера ни мучила меня,
Я жду
Хорошего чего-то
От наступающего дня.

А мне не слишком много надо,
Чтобы душою всей расцвести:
Улыбка дружеского взгляда,
Иль добрая
О друге весть,

Иль кем-то сказанное слово,
Душевное,
Оно всегда —
Подспорье, а порой основа
Для стихотворного труда.

Для тех минут неповторимых,
Когда с пером наедине
Любимых мной
И нелюбимых —
Всех близких и далеких мне

Спешу согреть строкой сердечной,
Участливостью,
Добротой...
Рассвету радуюсь я вечно
С забывчивою простотой.

Как часто к вечеру печально
Я собираю черепки
Надежды утренней,
Хрустальной,
И сердце ноет от тоски.

МУЖЕСТВО

Легкой я не ведала удачи:
Чересчур тропа моя крута,
С болью и со страхом,
Не иначе,
Мне всегда давалась высота.

Сколько раз
С вершины я срывалась,
Но, чтоб я не выбилась из сил,
Камень,
О который ушибалась,
Искорку мне мужества дарил.

Искорка за искоркой,
И пламень
Мужества в душе моей возник.
И уже иду
Сквозь лед и камень
Я к заветной цели напрямик.

Овладела голосом поэта,
С хрусталем
Соединяя медь,
Твердо понимая,
Что на это
Жизнь моя уйдет
И даже смерть.

РАДОСТЬ ВЗАИМЫ

Всем, кто сегодня
Печально поник головой,
Я говорю:
Приходите ко мне и возьмите
Радость мою и веселье
И между собой
Радость мою и веселье,
Как хлеб, разделите!
Или хотите —
Сама я вам радость раздам,
Словно горянка,
Что хлеб, еще пахнущий печью,
Вмиг разломав о колено,
Подносит гостям.

О, на добро ваше, люди,
Добром я отвечу!
Разве не вы
Свою радость мне дали взаимы?
Я кредиторов не помню в лицо,—
Хоть должника:
Не отмеряли ж
Полоской метровой тесьмы
Радость свою,
Как отрез разноцветного ситца,
Да и веселье
Не взвешивали, как зерно,
Да и должника свою
Позабыли похвально!
Нет, кредиторов не помню,
Но помню одно:

В день,
Когда я головою поникла печально,
Кто-то из вас
Дал мне щедро веселья лучи,
Что исходили из глаз,
Как из солнца весною,
Кто-то из вас
Дал мне радости звонкой ключи,
Кто-то вручил, как цветы,
Мне веселье земное.
Блеск ваших глаз
Стал ликующим солнцем во мне,
Вам возвращаю его,
Чтоб забыли печали,
Морем ключи ваши стали,
Чтоб в каждой волне
Прежнюю радость свою
Вы сейчас обретали.
Стало плодами веселья —
Веселье цветов.
Вдоволь вкушайте плоды
Под реченье листьев:
«Тот, кто живет
И не помнит своих должников,
Вознаграждается ими же
За бескорыстие!»

Милые,
Радостью располагайте моей,
Располагайте весельем моим бесконечно!
Все, как всегда,
Мне однажды вернете, конечно,
И у меня ведь бывает
Немало безрадостных дней.

Перевела с аварского
И. ЛИСНЯНСКАЯ.

Несколько лет назад молодой кенийский писатель Джеймс Нгуги (род. в 1938 году) написал роман «Пшеничное зерно». В романе описывалась вооруженная борьба кенийского народа против английских колонизаторов. В 1969 году это произведение было переведено на русский язык и вышло отдельным изданием в Москве. Еще раньше, в 1967 году, в издательстве «Художественная литература» в переводе на русский язык была опубликована другая книга Джеймса Нгуги, «Не плачь, дитя». В 1973 году Д. Нгуги присуждена литературная премия «Лотос», учрежденная Ассоциацией писателей стран Азии и Африки.

В переводе В. Рамзеса предлагаем читателям новый рассказ талантливого писателя.

Джеймс НГУГИ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

сторженной публики в городке Моло, вытворяя лихие трюки на железном коне. Балансируя левой ногой, правой он вставал на седло, простерев руки, словно собираясь взлететь, или же, к особой радости ребятишек, выписывал круги, сидя спиной к рулю. Велосипед был старый, но он размалевал раму красной, зеленой и синей краской, привернул самодельные фары и отражатели, а к багажнику прикрепил табличку: «Обгоняй, обгоняй, а то на кладбище не успеешь!» За фокусами с велосипедом следовали другие номера. Он подражал белым хозяевам, показывал, как они ходят, как говорят с черными слугами. Доставалось от него и тем африканцам, что заискивали перед белыми. Кроме того, он был отменным танцором и под конец лихо отплясывал «мвомбоко», сверкая голой коленкой, торчавшей из нарочно распоротой по шву штанины. Девушки в толпе вздыхали и глазели на него с восхищением.

Так он и покорило сердце Мириаму. В воск-

благополучия, царивших на фермах европейцев. «Такие типы плохо кончают,— часто повторял районный комиссар.— Ими движет корысть, они сбивают с толку простодушных, неграмотных батраков, натравливают их на белых фермеров и миссионеров. Вариуки из их числа, ничуть не лучше любого смутьяна».

Дуглас Джонс призвал Вариуки к себе. Чего же стоит «наш будущий зять», много ли у него злата-серебра? Как и большинство батраков, Вариуки побавлялся зажиточных хозяев-христиан. Он зачинил штанину, расчесал вихры и с легкой дрожью в коленях отправился с визитом.

Он стоял на пороге, ему даже не предложили сесть, разглядывали его с головы до пят. Смущенный Вариуки не отрывал глаз от Мириаму, надеясь, что она придет на помощь. В конце концов ему указали на стул, он устался в стену, не решаясь взглянуть на родителей невесты, на знатных стариков, приглашенных на смотрины. Но и не глядя на них, он

ВЕНЧАНИЕ

«Ч

то за славная чета!— говорили про них.— Он преуспевающий торговец древесиной. Она послушная жена, чтящая бога, мужа и семью. Вот как воздаст судьба за любовь и супружескую верность!»

Высокий, подтянутый, немного чопорный Вариуки был богат. Маленькую, кроткую, неназойливую Мириаму словно затмевала тень гиганта мужа.

Когда они поженились, у него не было ни гроша за душой, не то что уж сбережений на черный день. Работал он простым доярком на ферме у белого хозяина. Платили ему тридцать шиллингов в месяц— целое состояние по тем временам, но он все спускал на выпивку и к концу месяца сидел без денег. Был молод, и все ему было нипочем, не грезил он ни богатством, ни властью. Вместе с другими батраками митинговал и требовал надбавки, даже составлял для них прошения. Не раз его прогоняли с ферм как смутьяна и зачинщика. Но души во все эти дела он не вкладывал. Что ему было любо, так это развлечься и подурачиться. Гордо восседая на велосипеде марки «ралей», он насвистывал мелодии старых пластинок, горланил блюзы, подражая Джими Роджерсу, устраивал представления для во-

ресенье она не могла усидеть дома, торопясь после обеда на базарную площадь и там забивалась в толпу зрителей. При виде рискованных трюков Вариуки ее сердце то взмывало, то падало, то стучало в такт его танцам. Семья Мириаму славилась достатком по всей Рифт Велли. Ее отцу Дугласу Джонсу принадлежало несколько лавок и закусовых в городке. Родители девушки слыли людьми богатыми. Они молились, восстав ото сна и на сон грядущий, перед каждой трапезой, а по воскресеньям ходили в церковь. Им благоволители даже белые фермеры в округе, сам районный комиссар заезжал поболтать с Дугласом Джонсом. То был праведный христианский дом, и родители не желали выдавать дочь за гольфабу и греховодника. И что она в нем нашла? Не следует ей бывать на сборищах лентяев и язычников. На воскресных проповедях Мириаму с детства приучали к покорности: не ослушайся отца, матери и всевышнего! Добропорядочное воспитание в духе классического учебника преподобного Клайва Шомберга «Английские манеры для африканцев». Но у Мириаму был независимый нрав, и ее тянуло к Вариуки с его велосипедом «ралей», мешковатыми штанами, грубыми песнями и танцами. Он, как маяк, указывал ей дорогу из беспросветного мира Дугласа Джонса к неоновому зареву города на дальнем горизонте. Она отдавала себе отчет в том, что он не может внушать доверия; ее коробил его неопрятный вид, заплаты на рубашке, но она следовала за ним, поражаясь собственной решимости. Дуглас Джонс вынужден был пойти на уступки: он любил дочь и желал ей добра. Не хотелось отдавать ее за недоучку и беспутника, возмутителя покоя, порядка и

чувствовал их неприкрытое осуждение. Дуглас Джонс, впрочем, являл образец христианского благоволения: «Подайте чаю нашему э... нашему будущему э... этому молодому человеку. Что у вас за работа? Дояр? Гм, ну, ну, ничего, богатство— дело наживное, вы еще молодцы. А каково жалованье? Тридцать шиллингов в месяц? Недурно, другие с меньшего начинали, истинное богатство от бога». Вариуки был горячо признателен за эти слова, он даже осмелился поднять глаза и улыбнуться старому Дугласу Джонсу. Но то, что он прочел во взгляде старика, заставило его стремглав отвернуться к стене и ждать казни. Казнь была медленной, холодное железо оставляло ровные, но глубокие раны. «Зачем жениться так рано? Ну, ну, как изволите, нынешняя молодежь не то что в наше время. Кто мы такие, чтобы вас учить? Мы не против брака, но, как христиане, должны исполнить свой долг. Повторяю: мы не против вашего союза. Но он должен быть скреплен на кресте. Венчаться в церкви. Конечно, на это нужны деньги. Чтобы содержать жену, тоже нужны деньги. Не так ли? Вы киваете головой, значит, согласны. Отлично. Приятно встретить разумного молодого человека— большая редкость в наши дни! В таком случае позвольте мне и моим досточтимым друзьям осведомиться о ваших сбережениях. Соболаговолите, молодой человек, предъявить старейшинам сберегательную книжку».

Вариуки был повержен в прах. Старейшины глазели на него с нескрываемым злорадством. Он перевел молящий взор на мать Мириаму, но не мог разглядеть ее лица. Он не знал, как поступить, готов был сквозь землю провалиться. Вдали от коровьего вымени, велосипеда и толпы поклонников, вдали от привычной об-

становки закусочных и пивных он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Он тяжело дышал, будто загнанный зверь; охотники, предвкушая добычу, любовались его агонией. В голове у него шумело, в глазах помутилось. До ушей едва долетал голос благочестивого Дугласа Джонса. Он монотонно повторял, что не вправе обречь дочь на лишения и нищету. Вариуки с отчаянием поглядывал на дверь.

Наконец, его отпустили. Оказавшись на воле, он перевел дух. Легкая дрожь в коленях еще не прошла. Он испытывал облегчение, очутившись вновь в привычном мире. Здесь он хозяин. Но мир словно подменили в тот день, и прежние развлечения уже не доставляли ему радости.

Казалось бы, он мог торжествовать. Мириаму ушла из родительского дома, и они уехали. Он нашел работу на лесопильне в Илморге. Жили в шалаше, где он отсыпался после изнурительной работы и ежедневной брани ворчливых индийцев — хозяев лесопильни. Вариуки научился сносить обиды. Напарник его влезал на поваленный ствол, Вариуки становился коленями на землю и под аккомпанемент пилы напевал песни собственного сочинения, грустные песни о кровавой свадьбе сосны и топора. Опилки засыпали глаза, но от песни делалось легче на душе. Потом наступал его черед взбираться на ствол. Пила жадно вгрызалась в дерево, и Вариуки воображал себя злым великаном Матхатхи, валившим непроходимые леса.

Дочь Дугласа Джонса чутко прислушивалась к голосу мужа, взлетавшему над шепотом листвы и воем ветра, и сердце ее часто билось в груди. Как непохожи его песни на скорбные псалмы, что пели в доме ее отца! От этой

в тюрьме и вроде бы женился на девушке из племени луганда.

Мириаму ждала. Лежа в холодной постели летними ночами, она вспоминала мгновения сладкой боли под сенью ильморогского леса, на ложе из папоротников и травы. Родители отказались от нее, впрочем, она все равно не вернулась бы к ним. Вариуки заронил в нее семя, это да еще безыскусная дружба свекрови служили ей утешением. Родился малыш, и жизнь наполнилась смыслом. Снова поползли слухи: белые готовились к войне между собой; черных юношей, сыновей родной земли, вербовали на эту бойню. Неужто правда? Внезапно объявился Вариуки. Ей сразу бросилось в глаза, как он изменился. Стал скуп на слова. Куда подевался весельчак, вечно насвистывавший песенки? В чем причина этой перемены? Пробыв дома неделю, он вдруг объявил: еду на большую войну. «Непоседа, — сокрушалась Мириаму, — чем ему дома плохо?»

Вариуки был одержим одной мечтой: стереть из памяти жестокое унижение, призрак насмешливых взглядов. Он сражался в Египте, Палестине, Бирме. О смысле войны, о том, за что воюют черные люди, он не задумывался. Лишь бы она кончилась поскорее. Может, удастся вернуться домой не с пустыми руками. Тогда уж он добьется того, ради чего изъездил из конца в конец всю Кению. Англичане сулили черным солдатам денежное вознаграждение и работу, когда нечестивые немцы будут разбиты.

После войны он появился в Лимуру, исхудавший, но еще более утвердившийся в своей решимости. Недели две Мириаму грелась в свете бывшего пламени. Он рассказывал забавные истории о войне, пел сыну солдатские песни. Они любили друг друга, и он вновь за-

пробовал все, был даже мелочным торговцем в Бахате. Брал партию носовых платков и карандашей у индийских купцов и сбывал их в розницу по цене, дававшей ему крошечный доход. Но разве это его истинное призвание!

Он все искал способа, как бы преуспеть, когда разразилась партизанская война «маумау». Рабочих и безработных хватали прямо на улицах и увозили в концлагерь. Ему чудом удалось улизнуть из сети, и он подался домой, в Лимуру. Его разбирала злость, но злился он не на белых и не на индийцев — их он считал неотъемлемой частью пейзажа, такой же, как горы и долины, — а на свой собственный народ. Как они смеют возмущать спокойствие и мир? Только он сколотил несколько центов, а в войну какая уж торговля! Ему хотелось верить в заведомую ложь, распускаемую англичанами, о скором благоденствии и радужных перспективах, открывающихся перед черными гражданами.

Около года он ухитрялся быть в стороне от бушевавших страстей, отдаваясь одной снедающей его страсти. Но в конце концов его захватил водоворот, и он поплыл в расprostертые руки колониальных властей, стал сотрудничать с англичанами. Лучше, чем сидеть в лагере или сражаться в лесу. Этот выбор не замедлил принести плоды. У соседей колонизаторы отняли землю, а его надел не тронули, даже добавили земли за счет стариков и женщин, чьи сыновья и мужья гнили в заключении или прятались в лесу. Вариуки не был жестоким человеком, он искренне желал, чтобы кончился этот кошмар и можно было снова торговать. Ибо даже теперь, в разгар сумятицы, его не покидал призрак Джонса. Рана не заживала, мучила, как зубная боль, и требовала мести.

НАЖРЕСТЕ

мысли счастливые слезы набегали на ее глаза. По субботам и воскресеньям он водил ее на танцы. Молодежь собиралась на лесной поляне. На обратном пути они выбирали укромное местечко и предавались любви в высокой траве. Для Мириаму то были ночи неведомого счастья, колющие сосновые иглы покалывали спину. Она стонала под ним, будто пригвожденная раскаленным железом, призывая мать и несуществующих сестер на помощь.

Казалось, и Вариуки счастлив: разве не чудо, что он, оборванец, сирота (отец его сложил голову в первую мировую войну в Танганьике, в составе английского экспедиционного корпуса), завоевал любовь девушки из богатого дома! Он перебирал в памяти события своей жизни, начиная с работы на плантациях пиретрума под палящим солнцем и студеными ветрами в Лимуру и до молочной фермы в Моло. Воспоминания всякий раз обрывались на разговоре с Дугласом Джонсом и старейшинами. Вариуки никогда уже не будет веселым и беспечным. Никогда он не забудет злорадного кудахтанья Дугласа Джонса и стариков, поругания его мужского достоинства в присутствии женщин — Мириаму и ее матери.

Никогда! Он им покажет. Настанет и его черед посмеяться над ними.

Беспокойная нотка все слышнее звучала в его песнях: горечь несбывшихся надежд и ожиданий. Голос его дребезжал, как зубья пилы, рассекая воздух с алчностью и злостью. Вскоре он уволился с лесопильни, отвез Мириаму в Лимуру к своей престарелой матери, а сам как в воду канул. Доходили слухи, будто его видели в Найроби, Момбасе, Накуру, Кисуму и даже Кампале. Будто бы он отсидел

ронил в нее семя. Потом он стал подыскивать работу. На обувной фабрике в Лимуру бастовали рабочие, хозяева уволили их. Безработные осаждали ворота фабрики, предлагая свой пот и кровь в обмен на медяки. Забастовщики пытались помешать штрейкбрехерам — предателям общего дела, но вмешалась полиция. Полицейские оттеснили дубинками пикетчиков и провели штрейкбрехеров на фабрику. Но Вариуки и здесь не повезло. Видать, родился он под несчастливой звездой. Снова толкался он в толпах безработных на улицах Найроби. Вернувшись с войны солдатам не дали ни денег, ни работы, а «праведные» англичане и «нечестивые» немцы улыбались и пожимали друг другу руки.

Молодежь собиралась в Пумвани, Кариокоре, Шаури Мойо, горячо обсуждала, почему не берут на работу черных, но он на сходках не бывал. Вспоминал, как до войны батраки пробовали отстаивать свои права. Ни черта они тогда не добились, не добьются и теперь. Кроме стыда, память о юности ничего не вызвала. Не был бы он таким повесой, не пришлось бы сносить унижение от тестя. Молодежь говорила о демонстрациях, петициях, оружии, о том, чтоб силой прогнать белых из страны. Но его все это не касалось. Он будет в одиночку добиваться успеха, ему рассчитывать не на кого. Настанет его черед смотреть на Дугласа Джонса свысока. Раны самолечения не заживали, лишали сна. Ему нет дела до того, что в стране хозяйничают белые и индийцы, что у них в руках и земля, и торговля, и промышленность. Призрак Дугласа Джонса в сером шерстяном костюме с жилетом, в шляпе и с зонтом-тростью неотступно преследовал его. Вариуки часто менял работу, ис-

Джомо Кениата вернулся из ссылки. Вариуки всполошился, настроение у него испортилось. Что будет с ним и ему подобным, когда партизаны отпразднуют победу? Выходит, зря он верил, что белые незыблемы, как горы...

Но приближение независимости обернулось для Вариуки неожиданным благом: колонизаторы дали ему напоследок ссуду. Он купил илу с бензиновым мотором и открыл дровяной склад.

Настала независимость, сыновья земли вернулись из леса и концлагерей. Первое время Вариуки опасался возмездия, но люди устали, им было не до него. Справедливая борьба увенчалась победой, радость наполняла сердца, не оставив места жажде мщения. Дела Вариуки пошли в гору, не встречая помех.

Богатство от бога. Господь его поощрил, и в знак благодарности Вариуки зачастил в церковь. Он и Мириаму водил с собой, они стали примерными прихожанами.

Мириаму страстно молила бога, чтобы господь вернул ей прежнего Вариуки. Хвала всевышнему, ее сыновья грызут науку в Сирианской школе. Вот только Вариуки ее тревожит. Настал конец его песням, танцам, простодушному смеху. Глаза его затвердели, застыли, они внушают ей страх.

Теперь он пел лишь в церковном хоре. Не те песни, что когда-то полонили ее душу, а скорбные гимны, памятные ей по отцовскому дому. «Сладостно имя господа на устах раба его!..» Вскоре он уже был солистом, играл на барабане — священники рассчитывали с помощью барабана залучить в церковь побольше африканцев. Вариуки посещал баптистскую школу, и в один прекрасный день он расстал-

ся навсегда со своим языческим именем, нарекся Доджем В. Ливингстоном-младшим. Теперь он восседал в церкви на передней скамье и помышлял уже о месте церковного старосты.

Радость, как и горе, не приходит одна. Тесть и теща по-прежнему жили в Моло, но их достаток пошел на убыль. Они до сих пор не признали зятя, но, прослышав о его успехах, стали окольными путями разведывать, не согласится ли дочь их навестить. Мириаму и слышать об этом не желала, чем не на шутку рассердила мужа. «Где же твое христианское всепрощение?» — возмущался Додж В. Ливингстон, и ей пришлось уступить. Он ликовавал: день мщения все ближе!

Контора его была в Лимуру, но ему пришлось бывать по делам во всех концах страны. В тот год многим предпринимателям-индийцам пришлось покинуть Кению. Хозяева Ильморогской лесопилки не принимали кенийское гражданство и лишались лицензии на торговлю. Они предложили Ливингстону стать их равноправным компаньоном. Да святится имя господне! Воистину бог не ел «угали». За год Вариуки сколотил круглую сумму, достаточную для того, чтобы банк вновь предоставил ему ссуду. Он приобрел одну из самых больших ферм в Лимуру, покинутую белыми хозяевами. Теперь Ливингстон был не только крупным торговцем древесиной, но и землевладельцем. Его избрали церковным старостой.

Тщетно ждала Мириаму возвращения прежнего Вариуки. Она была доброй христианкой и молила бога избавить ее от несбыточных грез. Когда ее муж разбогател, она не возгордилась, ходила, как прежде, босиком. Вставала на заре и шла в поле, работала наравне с батраками, стряпала им еду, поила их чаем. Муж был вне себя: роняет его перед этим сбродом! Ведь она из христианского дома, негоже ей копаться в земле. Кое в чем она ему уступила, в церковь стала ходить в туфлях и белой шляпке. Но трудолюбие было у нее в крови, и от работы она не откажется. Ей нравилось прикасаться к земле, она любила душевные беседы с батраками.

И они любили Мириаму, а ее супруга сторонились. Ливингстон считал их лентяями. Он-то всего добился своим трудом, ему хозяйские жены обед в поле не приносили. Мириаму портит их, он ей так и сказал. Глядя в хмурые лица батраков, он вспоминал то время, когда работал пильщиком и сносил ругань хозяев. Он догадывался о затаенной неприязни батраков, но считал ее естественной: бедные и праздные обычно завидуют богатым.

Стоило появиться Мириаму, и лица батраков светлели. Они шутили, смеялись, пели песни, посвящали ее в свои сокровенные мысли. Среди них было много сектантов, веровавших в то, что Христос принял страдания и смерть ради бедняков. Когда муж бывал в отъезде, Мириаму ходила на их моления. Станные сборища: мужчины и женщины пели, играли на гитарах, били в барабаны, погремущки и бубны. Ноги сами шли в пляс под эту шумную музыку. Они одержимо размахивали руками, разгоряченные лица отражали уверенность и силу, на них нисходило озарение. Мириаму не понимала смысла их заклинаний, но находила их благозвучными. Совместная работа и единая вера сплавляли батраков. Мириаму тянуло к ним, что-то в ней шевелилось, будто расправлялись крылья.

Она возвращалась домой, содрогаясь от предчувствий, ждала мужа, все еще надеясь на чудо. Но чуда не происходило. Возвращался не Вариуки, а Додж В. Ливингстон-младший, церковный староста, преуспевающий фермер и торговец древесиной. Она играла роль примерной жены, с притворным интересом внимая его рассуждениям о контрактах, сделках, барышах, видах на урожай. По воскресеньям те же безрадостные гимны в церкви, молитвы из требника, визиты к братьям и сестрам во Христе; неизбежные чаепития и благотворительные базары, на которые щедро жертвовал Ливингстон. «Что за славная чета», — говорили все с подобострастным восторгом, — он преуспевающий фермер и торговец; она послушная жена, чтящая бога и супруга».

Однажды он пришел домой из конторы раньше обычного. Его лицо сияло, разглади-

лись морщины — следы повседневных трудов и забот. Глаза лучились радостью. Сердце Мириаму так и подпрыгнуло: неужто и впрямь вернулся ее воин? Он старался не показывать волнения, но ему это не удавалось.

Когда выяснилось, в чем дело, сердце у нее упало. Оказывается, ее отец Дуглас Джонс прислал приглашение, просит пожаловать к нему в Моло. Выхватив из кармана письмо, Ливингстон принялся читать его вслух. Кончив чтение, он опустился на колени и восславил господу милосердного.

— Амины! — нехотя пролепетала Мириаму. — Господи, господи, — молилась она, — как зачерствела я душой, наставь меня на путь истинный!

Назначенный день приближался. У Ливингстона подрагивали колени. Он не мог скрыть своего торжества. Бог не оставил уличного мальчишку, простого дояра... Стыдно вспомнить того шута в дырявых штанах, кривлявшегося на потеху зевакам. Он был посмешищем всего городка!..

Ливингстон отправился в магазин Д. Т. Доби и уехал оттуда на сверкающем «мерседесе-220». Теперь им будет не до смеха. В долгожданное утро он облачился в серый костюм из тонкой шерсти, жилет, взял в руку зонтичность, а Мириаму заставил надеть платье из магазина на Гавернмент-роуд в Найроби. Даже старуху мать он облачил в башмаки и шляпу, ни дать ни взять леди. Сыновья были в школьной форме. Они притворялись, что не помнят родного языка, и бойко болтали по-английски. Рассевшись в «мерседесе», славное семейство отправилось в Моло.

Старик Джонс вышел их встречать. Тесть заметно сдал, голову посеребрила седина, но телом он был еще довольно крепок. Джонс опустился на колени, Ливингстон последовал его примеру. Вознес молитву, они заключили друг друга в объятия. «Сын мой, дочь, мои внуки!» Казалось, все бывшее утонуло в слезах, и только Мириаму не могла забыть прошлого.

После первых восторгов Ливингстон снова ощутил покалывание уязвленного самолюбия. Нет, он не сердился на Джонса, старик был совершенно прав, он и сам бы не отдал дочь за такого лоботряса. Чем же выравнить из памяти унижение? И вновь перст божий — внезапно ему открылся способ. Как это он раньше не додумался? Ливингстон затрясся от волнения. Уединившись с тестем, он посвятил его в свой план: венчание на кресте! Дуглас Джонс немедленно дал согласие: «Сын мой стал подлинным христианином!». Но Мириаму не видела в этой затее смысла. В ее-то годы венчаться! Сыновья взрослые, чего срамиться? Все набросились на нее: без венчания и жизнь не жизнь! Ее сопротивление было сломлено. Чудны же дела твои, господи!

Дни, предшествовавшие свадебной церемонии, были счастливейшим временем в жизни Ливингстона. Он смаковал каждую секунду. Суэта и хлопоты приготовлений доставляли ему неизъяснимое удовольствие. Мог он мечтать об этом: венчание на кресте! На кресте, где обрел он господу. Он снова был молод, от него веяло здоровьем, довольством и благополучием. В тот миг, когда их обвенчают, исчезнет мучительное воспоминание. Во все концы были разосланы отпечатанные приглашения, для гостей наняли автомобили и автобусы. Ливингстон повез Мириаму в Найроби. Они исходили весь город, из магазина в магазин: Кениата-авеню, Муинди Мбингу-стрит, Базар-стрит, Гавернмент-роуд, Климат-стрит и снова Кениата-авеню. Он выбрал ей белоснежное атласное платье с длинными рукавами, фату, белые перчатки, туфли, чулки и, конечно, искусственные розы. Додж Ливингстон-младший во всем следовал неувядаемой книжке преподобного Шомберга о хорошем тоне для африканцев, чтобы, упаси бог, не погрешить против приличий.

Мириаму никому приглашений не посылала и молила бога, чтобы дал ей сил пережить предстоящее испытание. Пусть этот день поскорее пройдет и канет в Лету, как дурной сон. За неделю до венчания ее отвезли в Моло, в отчий дом, откуда она когда-то бежала с Вариуки. К чему эта комедия? Она давно уже не девушка, мать двоих детей. Но Мириаму не противилась воле мужа. Может, она и не права, другим виднее. Не станет она помехой для счастья ближних. Ведь и церковь

одобряла намерение Ливингстона — достойный пример подавал он своей пастве. Женщины, всхлипывая, поздравляли ее, вот бы им такого муженька!

День выдался яркий, безоблачный. За окном машины простирались вдаль знакомые с детства поля, навевая воспоминания. Мириаму старалась не унывать, но слезы навертывались на глаза: впустую прождала она долгие годы, надеждам не суждено сбыться... Она невольно засмотрелась на сидящего подле нее отца: лицо, изрезанное морщинами, черный фрак, узкий жилет.

Отец вел ее к алтарю, она шла, не разбирая дороги, не узнала даже своих друзей-батраков, стоявших гурьбой у входа в церковь.

Ливингстон же пребывал на вершине блаженства, всю жизнь он ждал этого часа. И вот он настал. По такому торжественному случаю на нем был черный фрак и цилиндр. Он приветливо улыбался гостям — членам парламента, священникам, бизнесменам. Ливингстон про себя отметил, что в церкви полно важных персон. Сошки помельче сидели в задних рядах. Увидав у входа батраков в кроваво-алых сектантских одеяниях, жених на миг нахмурился, но ничто не могло омрачить его счастья.

И вот Мириаму у распятия. Голова ее покрыта белой фатой, тревожно замирает сердце. Со стороны посмотреть — старуха. Стыд и срам! «Было десять невест для жениха», — вспомнила она из библии, — пять умных и пять глупых!.. Боже, боже, когда кончится эта пытка!»

— Додж Ливингстон-младший, — раздался голос священника, — согласны ли вы взять в жены эту женщину на радость и на горе, пока смерть не разлучит вас?

— Согласен, — громко отчеканил Ливингстон. Теперь ее черед... Господи, испить чашу сию... конец...

— Мириаму, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину?..

Она хотела ответить, но комок застрял в горле. Пять дев... один жених...

Церковь замерла в оторопелом ожидании. Внезапно с улицы долетел какой-то шум. Все обернулись к двери. Сектанты, не замечая всеобщего замешательства, входили в истинный раж. Гремели барабаны, бубны, стонали гитары. Церковные служки зашикали на них — церемония еще не завершилась, но сектанты не унимались. Пронзительные голоса взлетали до небес, голые ступни молотили по земле.

Мириаму подняла глаза. Ведь она не позвала своих друзей, как же они здесь очутились? Впрочем, какое это имеет значение... «На кресте, на кресте, где обрела я господу...» Перед ее мысленным взором предстал Вариуки, каким он был в Моло: проделывал трюки на велосипеде перед толпой восторженных поклонников... «На кресте, на кресте, где обрела я господу...» Он особенно старался ради нее, выделяя Мириаму из толпы... она не сомневалась в этом... начались танцы, и ее уверенность еще окрепла. Ради нее! «Господи, я любила и была любима!.. Сладкие муки в лесу Ильморог... Никогда не забыть этого...»

Мириаму ощутила мощный прилив сил, гордо подняла голову.

— Согласна ли ты, Мириаму? — почти кричал священник.

Толпа застыла в ожидании ее ответа. Она взглянула на Ливингстона, перевела взгляд на своего отца и удивилась тому, как они похожи. Никакой разницы!

— Нет! — ответила она внятным шепотом.

Словно молния ударила в церковь. Уж не ослышались ли? Священнику едва не стало дурно.

— Согласна ли ты, Мириаму?..

Зловещую тишину нарушило пение сектантов. Мириаму откинула вуаль и обвела взором всех, кто был в церкви.

— Нет, не могу... Не могу быть женой Ливингстона... потому... потому что... я уже замужем. Я жена... Вариуки... а он мертв...

Ливингстон застыл как изваяние. Ее отец утирал глаза, тихо всхлипывала мать. Все решили, что она помешалась. Всеми виной сектанты, прислужники дьявола. Ни один порядочный священник не пустил бы их и на порог храма божьего...

Мужчины и женщины в алых одеждах продолжали петь и танцевать под грохот барабанов и бубнов, и голоса их взмывали к небу.

Командир отделения Николай Шурупов.

БАЛТИЙЦЫ

29 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Г. МАКАРОВ,
фото автора.

Вокруг сады, кусты сирени, а он предпочел уголок в ажурном сплетении локационных антенн. И как бы ни перешвартовывался катер, сколько бы раз матросы ни выдворяли непрошеного жильца, скворец упорно возвращался с веточкой или соломинкой в клюве на «свой» катер.

Выбравшись из «гнезда», чтобы, как всегда, приветствовать солнце, он не услышал привычного сигнала будильника. Он знал, что время ее наступило, но не увидел ни одного матроса, не услышал дробь крепких каблучков. Корабль спал. Но крышки ракетных ангаров, часть палубы и рубка катера покрылись коркой обгорелой краски. На пороховом нагаре — торопливая надпись, сделанная мелом: «Все в целы! Ура!»

Вместе с другими кораблями «Тамбовец» (так здесь называют ракетный катер «Тамбовский комсомолец») вернулся на базу вчера поздно. Вернее, это было уже не вчера, а сегодня: хронометры показывали второй час ночи. Под звуки оркестра и трели соловьев экипажи кораблей и все, кто находился на берегу, выстроились на пирсе, и тут, словно боевой капитан, герой известной песни, перед

замершим строем появился командир.

Обращаясь к морякам, Владлен Павлович сказал: «Все комплексы сработали отлично. Несмотря на большие сложности, ракеты поразили цели. С победой вас, товарищи!»

Матросское «ура!» раскатывается по притихшей гавани. Из строя выходит капитан-лейтенант Виктор Полищанов — командир «Тамбовского комсомольца», а коки выносят на блюдах аппетитнейших жареных поросят. Приняв традиционное морское угощение победителю, офицер поворачивается к строю и осипшим, хриловатым голосом, сорванным во время трудной, многочасовой вахты, произносит: «Служу Советскому Союзу!»

И еще несколько раз повторяют эти гордые слова другие «виновники» торжества, катерники и ракетчики.

На одном из ракетных катеров мы идем параллельным курсом с «Тамбовским комсомольцем». После многочисленных маневров и исполнения различных команд вот он, наконец, желанный боевой курс.

— Боевая тревога — катер к ракетной стрельбе изготавить!

Открылись жерла ангаров. И вот уже не вижу ничего, — в визире аппарата только катер, и не слышу ничего, кроме:

— До пуска первой — тридцать секунд... двадцать... десять... пять!

Это командир отличного корабля Анатолий Константинович Меркулов заботится о том, чтобы мы успели сделать снимки. Ослепительное пламя вспыхивает на «Тамбовце», и из облака дыма уносит свой огненный хвост первая.

— До пуска второй — двадцать секунд... десять... пять!

На этот раз катер стреляет другим бортом, и в дыму видна лишь красная молния ракеты, в кадре нет ни моря, ни неба. Ушла третья...

Эти заметки сделаны в старейшей в Военно-Морском Флоте Н-ской дважды орденоносной катерной части и на некоторых других кораблях дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Сегодня они бороздят тяжелые воды Балтики. Среди них и комсомольские корабли — «Тамбовский комсомолец», «Кировский комсомолец», «Мичуринский комсомолец».

Ракета застыла на постаменте.
Следят за воздушной обстановкой.

Капитан-лейтенант Виктор Полищанов — командир «Тамбовского комсомольца».

Идут моряки-комсомольцы.

ВСТРЕЧНЫЙ

А. П. ДУМАЧЕВ,
секретарь Ленинградского горкома
КПСС, отвечает на вопросы
корреспондентов журнала «Огонек»

ВОПРОС. Рабочий класс Ленинграда всегда находился на передовых позициях. В тридцатых годах здесь был снят фильм «Встречный» о рабочих Металлического завода, взявших повышенные встречные обязательства — выполнить пятилетку досрочно. Недавно в одном из клубов Выборгской стороны мы вместе с молодыми рабочими смотрели этот старый художественный фильм. Один из нас сам помнит те незабываемые годы, второй видел «Встречный» впервые, но оба одинаково волновались. Как замечательные традиции, рожденные творчеством рабочих в цехах заводов, подхватываются сейчас новым поколением?..

Ответ. Важно то, что традиции социалистического соревнования не просто продолжают, а развиваются дальше, получают новое качественное содержание. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Время идет вперед, усложняются задачи, растут люди. То, что вчера казалось образцом, сегодня стало нормой, самым обычным делом. Неизменным остается лишь одно — инициатива, творчество масс, которые только при нашем, советском строе могут развиваться широко и свободно, без всяких помех.

Социалистическое соревнование — движущая сила развития производства, основанная на новом отношении к труду, на распространении передового опыта. Оно неизмеримо эффективнее, чем слепая сила конкуренции. В наши дни народная инициатива сплетается с научно-технической революцией, придавая соревнованию новое звучание и значительно большую эффективность, охватывает куда более широкую сферу. Это и новые машины, инструмент, приспособления, технология и методы организации труда... Не случайно среди рабочих Ленинграда так много рационализаторов и изобретателей.

Вот вы говорили о фильме «Встречный», но ведь тогда речь шла о том, чтобы быстрее наладить отечественное производство нужных стране изделий и дать их как можно быстрее и больше. Сейчас производственные коллективы, изыскивая резервы, берут встречные повышенные планы, которые строятся на целом комплексе экономических показателей, взаимно связанных между собой. Взять хотя бы инициативу бригады шлифовщиков Кировского завода Евгения Ивановича Лебедева. По форме девиз этой бригады тот же встречный — «Пятидневное задание — в четыре дня» — каждый день давать продукции на двадцать пять процентов больше, чем положено по заданию. А по содержанию обязательств это не просто дополнительная продукция, а продукция отличного качества, изготовленная с наименьшими затратами труда, металла, инструмента. Каждый член бригады добивается права сдавать продукцию с личным клеймом, минуя ОТК. Раньше не стояла проблема нехватки рабочей силы, а сегодня соревнующиеся думают о том, как компенсировать недостающие рабочие руки и лучше использовать оборудование. Раньше бригада обслуживала шестна-

дцать станков и работала в одну смену. Затем каждый стал работать на четырех станках, половина бригады работает в первую, а половина — во вторую смену. В итоге те же шестнадцать станков стали использоваться уже в две смены, а выпуск продукции практически удвоился. Сейчас каждый перешел на обслуживание уже пяти станков. Но ведь просто так, только за счет интенсификации труда увеличить норму обслуживания с двух до пяти станков невозможно. В связи с этим необходимо отметить одну чрезвычайно важную и, я бы сказал, определяющую причину успеха почина кировцев — плановость, твердую организационно-техническую основу, на которую опираются их обязательства. Лебедев и его бригада не просто бросили клич, а трезво рассчитали свои силы вместе с мастером, инженерами, экономистами. Они работают на основе комплексного плана повышения производительности труда, включающего меры по модернизации оборудования, внедрению новой оснастки, инструмента и средств малой механизации, прогрессивной технологии, научной организации труда, программы устранения потерь рабочего времени, повышения квалификации и освоения смежных профессий.

Немаловажная особенность этой формы состоит в том, что речь идет о взаимных обязательствах руководителей, специалистов, которые создают организационно-технические и экономические условия для высокопроизводительного труда, и рабочих, которые гарантируют качество, высокую производительность, перевыполнение заданий. И вот первые результаты: только одна бригада Е. И. Лебедева за два истекших года достигла суммарного опережения плановых заданий более чем на семьсот дней, что по трудоемкости равносильно изготовлению четырнадцати тракторов «К-700»!

ВОПРОС. Какова, по вашему мнению, роль инженерно-технических работников в социалистическом соревновании?

Ответ. Самая непосредственная. Все личные и бригадные комплексные планы повышения производительности труда рождаются в тесном содружестве инженера и рабочего. Так составлялся и план бригады Лебедева. Без помощи специалистов различных заводских служб немыслимо возникновение технически всесторонне зрелых планов.

Но сегодня инженеры и техники не только помогают рабочим выявлять резервы производства, но и сами становятся непосредственными участниками соревнования. Большого внимания заслуживает то, что найдена организационная форма определения, учета и сравнения вклада специалистов. Я имею в виду личные творческие планы, являющиеся фактически и обязательствами инженеров, техников. В них конкретно указывается, что и за счет чего специалисты обязуются сделать для повышения технического уровня, сокращения сроков создания и освоения новой техники, снижения трудоемкости, совершенствования производства. Инженерно-технические работники объединения «Красногвардеец» начали соревнование под девизом: «Каждому специалисту снизить сверх плана трудоемкость изготовления изделий не менее чем на 50 часов в год!». В личных творческих планах сказано, за счет чего они этого добьются. Инженеры Д. Дворкин и С. Еремин спроектировали станок для

снятия резиновых оплеток со шланговых проводов. В результате операцию стал выполнять один человек. Прежде же этим была занята бригада из четырех рабочих. Выполняя свой творческий план, эти же специалисты изготовили стенд герметизации — в итоге сэкономили две тысячи часов. Сегодня такие планы — достояние не одних только передовиков. В Невском районе их более четырех тысяч, Московском — свыше трех тысяч. Конечно, здесь еще есть над чем работать, думать. Как, например, обеспечить выдачу задания многим категориям специалистов, в каких показателях вести учет, оценивать работу каждого и так далее. Но в принципе для большинства специалистов это хорошая форма организации индивидуального соревнования. Важно обобщить уже имеющийся здесь опыт, отбросить все формальное и взять все лучшее.

ВОПРОС. Современные предприятия работают на принципах кооперации. Следовательно, выдвигая встречный план, завод должен быть уверен в партнерах, которые, к сожалению, не всегда держат слово. Способно ли, по вашему мнению, социалистическое соревнование улучшить деловые взаимоотношения таких партнеров-предприятий?

Ответ. Опыт говорит, что способно. Однако всех вопросов, возникающих в ходе кооперации, оно, конечно, не может решить без помощи соответствующих министерств и ведомств. Вот один пример.

Кировскому заводу планируется поставка материалов в том же квартале, а комплектующих изделий, как правило, в том же месяце, что и выпуск очередной партии тракторов. Поэтому материалы и комплектующие изделия часто поступают на завод в самом конце установленного срока. А ведь для того, чтобы металл превратился в детали, он должен пройти месячный или двухмесячный цикл обработки. В итоге завод работает, образно говоря, с колес, его постоянно лихорадит, порой до последних дней месяца нет уверенности в кооперированных поставках. Социалистическое соревнование, развернувшееся на заводе, особенно остро поставило этот вопрос. Где же выход? Он есть. Нужно, чтобы Госнаб СССР, министерства и ведомства четко согласовали и спланировали поставку сырья, материалов не поквартально, а помесечно, с необходимым опережением сроков комплектации против сроков выпуска готовых машин.

Известен и такой пример: швейное объединение «Большевичка» шьет верхнюю одежду для женщин. Ее качество во многом зависит от тканей и отделочных материалов, которые поставляют фирме смежники. А что, если заключить договор на соревнование со смежниками, с теми, кто дает ткань, фурнитуру, мех, идущий на отделку пальто? Инициатива швейников нашла поддержку у смежников. Пять фабрик, в том числе две московские, заключили социалистические договоры. Возник совет по соревнованию. В него вошли директора предприятий, экономисты, технологи, художники, представители общественных организаций и Дома моделей. Совет изучает качество сырья, материалов, требования потребителя, его вкусы, рекомендации модельеров...

И вот результат такого творческого соревнования. Минули те времена, когда изделия фирмы «Большевичка» залеживались в магазинах. Свыше пятидесяти фасонов удостоены

Первая...

Матрос Александр Офицеров на боевом посту.

Сегодня у водолаза работа.

Товарищи поздравляют с новым трудовым успехом бригаду шлифовщиков Кировского завода, возглавляемую членом ЦК КПСС Е. И. Лебедевым.
Фото В. Самойлова.

высшей оценки — Знака качества. Без соревнования со смежниками этого добиться было бы невозможно. Так что социалистическое соревнование — достаточно тонкий и во многом универсальный инструмент в поисках резервов производства.

ВОПРОС. На предприятиях рождается много починов и различных форм соревнования. Считаете ли вы, что каждый почин обязательно должен подхватываться всеми?

Ответ. Конечно, нет. К любому почину следует подходить очень внимательно, разбираться в его существе, учитывать специфику различных отраслей и предприятий. Иначе формальное распространение инициативы может принести не пользу, а вред делу. Поэтому партийные и профсоюзные организации Ленинграда очень придирчиво изучают каждое начинание, прежде чем рекомендовать его к широкому распространению.

Много делается для того, чтобы открыть дорогу различным формам соревнования. Это и движение за экономию сырья, материалов, металла, и поход за качество и надежность изделий, и соревнование за высокую культуру производства. Главным видом индивидуального и бригадного соревнования в девятой пятилетке, как я уже говорил, стало движение под девизом «Пятидневное задание — в четыре дня». Девиз этот мы не воспринимаем буквально. Для одних он означает «5 в 4», для других — «5 в 4,5», для третьих — «5 в 3» и т. д. В различных отраслях идут к достижению поставленных перед собой целей своими путями. Текстильщики, следуя примеру Е. Демидовой, находят возможности для увеличения числа обслуживаемых станков, швеи решают задачу за счет освоения смежных операций и передовых приемов работы. На стройках хороший результат дает создание бригад законченного цикла. Судосборщики видят главный резерв во внутрибригадной специализации, но при полной взаимозаменяемости рабочих... Такой подход, широкое сочетание общей цели соревнования с индивидуальными возможностями каждого, со спецификой производства позволили превратить его в действительно массовое движение рабочих и бригад.

В ленинградской промышленности широкий размах получило движение за ускорение научно-технического прогресса, начатое по инициативе объединений «Позитрон», ЛОМО, «Светлана» и «Электросила». Эти коллективы поставили перед собой цель обеспечить разра-

ботку новой техники на уровне, превышающем по своим технико-экономическим показателям лучшие отечественные и зарубежные образцы, а сроки ее создания и внедрения в производство сократить в 1,5—2 раза. Основа этого начинания — использование преимуществ объединений, сосредоточение усилий научных работников, конструкторов, технологов и рабочих на достижении наиболее важных и определяющих задач. Здесь широко применяются сквозное планирование цикла «исследование — разработка — серия»; одновременное проведение отдельных этапов исследований и создания новых изделий; высокими темпами внедряются во все стадии разработки экономикоматематические методы с использованием ЭВМ. Все большее распространение получают творческие бригады, в которых совместно трудятся исследователи, конструкторы и производственники. Сейчас эта инициатива подхвачена большинством объединений, научных учреждений и предприятий.

Как видите, творчество масс поистине неиссякаемо и многообразно.

ВОПРОС. В «Ленинградской правде» было опубликовано письмо токаря Невского машиностроительного завода имени Ленина В. Протасова «Что нужно соревнованию?». В нем есть такие слова: «В нашем цехе многие опережают свой график. Но если мне просто скажут: вот этот токарь опережает свой собственный график на сорок дней, — что я почерпну из такой информации? Да ничего. А как он этого достиг? Вот то главное, что прежде всего вооружит соревнующихся. Без пропаганды передового опыта, без учебы отстающих на примере лучших нет и не может быть массового соревнования». А что бы вы ответили токарю Протасову на его слова?

Ответ. Я бы с ним согласился. В сущности, Протасов сам себе и ответил на свой вопрос. Да, гласность — необходимейшее условие социалистического соревнования, которое, как известно, сильно именно гласностью результатов, возможностью использования передового опыта. Но вопрос: как? Это очень важный вопрос. Как рабочий достиг тех или иных высот? Как другим достигнуть такого же результата? Этот вопрос нельзя оставлять в тени.

Рассуждая об организации соревнования, многие говорят о действенности материальных стимулов. Споры нет, они необходимы. Но мы, партийные работники, считаем, что сила соревнования заключается в гармоничном сочетании материальных стимулов, принципиально согласующих интересы общества, коллек-

тива и работника с контролем масс, с моральными стимулами, которые становятся все более важной побудительной силой нашего развития.

Гласность, если хотите, тоже стимул, да еще какой! Она и нерадивого подхлестнет, она и передовика поставит на должную высоту. Порой доброе слово, сказанное громко, на людях, подействует на человека сильнее и лучше, чем иная премия. В нынешнем арсенале средств поощрения передовиков преобладают пока два вида наград: премии — более половины всех случаев поощрения, и благодарности — около сорока процентов. Недавно проведенное социологическое исследование на нескольких ленинградских заводах дало интересные данные о том, какие стимулы считают наиболее важными сами соревнующиеся.

За поощрение премиями проголосовало лишь 28 процентов опрошенных, практически же этой формой мы пользуемся гораздо шире, забывая часто о других мерах. За улучшение жилищных условий отдали голоса 25 процентов, за именные подарки, путевки и т. п. — 17, предоставление более интересной и ответственной работы, направление на учебу — 15 (у молодых рабочих — около 40), а вот за грамоты и благодарности — всего 12 процентов, а на некоторых предприятиях и того меньше. Почему? Да потому, что выдавались эти грамоты часто не за конкретные и всем известные результаты, а просто к очередному празднику, да и само вручение грамот проводилось буднично, келейно — придет профорг к станочнику и скажет: «Вот тебе грамота. Поздравляю». И на этом все заканчивалось. Все эти цифры еще требуют глубокого анализа, но совершенно очевидно, что на одном лишь материальном стимуле нынче далеко не уедешь.

Хорошо продумана система мер морального и материального поощрения на заводе имени М. И. Калинина. Коллективам — победителям в соревновании за досрочное выполнение заданий пятилетки вручаются переходящее Красное знамя, вымпел и денежные премии. Портреты рабочих, показавших образцы труда, заносятся в Книгу почета с вручением удостоившимся этой высокой чести свидетельств и почетных грамот. Тем, кто добивается высокого мастерства, присваиваются звания «Лучший рабочий по профессии», «Лучший молодой рабочий»...

На заводе учрежден «Трудовой кодекс», предусматривающий ряд дополнительных видов

поощрений наиболее отличившихся работников, а также меры морального и материального воздействия на нарушителей трудовой и производственной дисциплины и правил общественного порядка. Лучшим производственным работником, проработавшим не менее пятнадцати лет, присваивается звание «Заслуженный калинец» с вручением нагрудного знака. Награжденные пользуются определенными льготами — при распределении жилья, путевок в санатории и дома отдыха. Нарушители же дисциплины, согласно «Трудовому кодексу», лишаются премий, путевок, временно переводятся на нижеоплачиваемую работу, им не предоставляется отпуск в летние месяцы...

Аналогичная система утвердилась на заводе «Арсенал» и на некоторых других предприятиях.

ВОПРОС. Встречный план — это, как правило, план напряженный, поэтому предприятие должно мобилизовать все свои ресурсы для успешного претворения его в жизнь. Нам кажется, что высокие требования социалистического соревнования на нынешнем этапе служат, кроме всего прочего, своеобразной проверкой качеств руководителя.

Ответ. Вы затронули чрезвычайно важный и интересный вопрос, потому что поиски ответа на него неизбежно заставляют рассматривать не только хозяйственную, экономическую и политическую, но также нравственную и моральную стороны вопроса. Бывают, разумеется, объективные причины, по которым предприятие действительно не в силах на данном этапе справиться с напряженным планом: нет сырья, металла, комплектующих деталей. Это одно дело. Но если руководитель, заведомо зная о скрытых возможностях роста производства, все-таки отказывается их использовать и ищет легкой жизни, то он, возможно, попросту устарел для роли руководителя.

ВОПРОС. Традиционный вопрос о традиционном соревновании Москва — Ленинград. Каковы его направления в решающем году девятой пятилетки?

Ответ. С москвичами у нас дружба давняя. Соревнование с ними зародилось еще в довоенное время, но тогда больше соревновались отдельные родственные заводы. Сейчас оно стало поистине массовым. Традицию продолжают не только все ведущие предприятия, но соревнуются и бригада с бригадой, цех с цехом, район с районом. Примеров плодотворного сотрудничества очень много. На московском заводе «Фрезер» имени Калинина, например, была внедрена ленинградская прогрессивная технология сварки заготовок. Это позволило сэкономить десятки тысяч рублей. Ленинградцы же получили от москвичей производственный стенд для продольно-винтовой прокатки сверл. Именно в ходе социалистического соревнования москвичи освоили ленинградский способ испытания часов, а ленинградцы заимствовали у москвичей технологический процесс обработки механизмов женских ручных часов.

В последнее время соревнование двух городов вышло на новый этап. Наряду с предприятиями в него включились и целые отрасли московской и ленинградской промышленности. Тон в этом содружестве задали пищевики. Они обобщают и внедряют опыт передовых коллективов: московских кондитерских фабрик «Большевик» и «Красный Октябрь», кондитерского объединения «Ленкондпром»... Кстати, говоря о соревновании пищевиков, следует отметить большую организующую и мобилизующую роль Министерства пищевой промышленности РСФСР, которое много усилий прилагает для развития духа трудового соперничества коллективов предприятий, широкого распространения лучшего опыта. Именно благодаря этому появилась, например, возможность у коллективов пищевых предприятий взять на себя обязательства по досрочному выполнению плана 26 декабря.

Мы всегда шли с москвичами рука об руку через все пятилетки. Нам есть чему поучиться и что перенять друг у друга. Цель у нас одна — достойно, новыми трудовыми успехами, высоким накалом соревнования завершить третий, решающий год пятилетки.

ДИПЛОМ ЛЕ ТХАК НИНЯ

В этом году четырнадцать граждан Демократической Республики Вьетнам увезут к себе на родину дипломы Московского инженерно-строительного института. Об одном из них — наш рассказ. А первый выпуск студентов ДРВ в МИСИ состоялся давно — в 1959 году.

Он широко улыбается, протягивая маленькую, крепкую ладонь.

— Ле Тхак Нинь. Зови меня просто Нинь, — говорит мой новый знакомый. Я застал его за занятием, без которого студент, если он живет в общежитии, не может обойтись: Нинь со своим другом Лыу готовили обед.

В комнате над тщательно заправленными кроватями портрет улыбающегося Хо Ши Мина. В окно заглядывают ветки тополя с ярко-зеленой листвой. Удивительно быстро промчалась нынешняя весна — страдная пора студентов. А во Вьетнаме это была первая мирная весна, весна победы.

— Нинь, что ты хочешь построить, когда вернешься на родину?

— Школу, — отвечает Нинь. — У нас в деревне была красивая кирпичная школа. Там я проучился семь лет. Там мечтала учить ребят и моя младшая сестра Лан. Она погибла. Лан работала в поле, когда в нее попал осколок шариковой бомбы... Нашу школу разбомбили. Мы на следующий же день начали строить новую — ведь надо было учиться, — продолжает Нинь. — Место выбрали подальше от деревни, в пальмовой роще. Классы устроили под деревьями — каждый отдельно, чтобы было безопаснее. Крыши у палм плотные, раскидистые — можно было не бояться, что нашу школу заметят с воздуха. Стены из бамбуковых стволов и пальмовых листьев получились, конечно, непрочные, и мы обвели каждый класс толстой земляной насыпью для защиты от взрывов. Не класс получился, а блиндаж. Единственное отверстие в стене было и дверью и окном. На улице — солнечный день, а в нашем классе — сумерки. Часто сигнал тревоги прерывал голос учителя, и урок приходилось продолжать в бомбоубежище.

В этой школе Нинь закончил восьмой, девятый и десятый классы. Как отличника и активиста Союза трудящейся молодежи Вьетнама его послали учиться в Советский Союз. Он не задавал себе вопроса: кем быть? Конечно, строителем. Вьетнамцы будут жить в просторных, открытых солнцу домах, не боясь, что на них упадут бомбы. В этом был уверен Ле Тхак Нинь — студент строительного-технологического факультета МИСИ.

— Самые сильные впечатления о Москве и о советских людях — впечатления первых дней, — вспоминает он. — Эти дни помнят все мои друзья, которые 23 августа 1967 года вышли из вагона поезда, прибывшего на Ярославский вокзал. Было уже поздно, десять часов вечера, но нас ждали. Помню цветы и оркестр, объятия, улыбки. Это нельзя забыть. И мы подумали тогда: хорошие у нас друзья. С такими мы обязательно победим! С вокзала поехали на автобусах в общежитие. После военного Ханоя Москва казалась сказочным городом: столько света, движения! На другой день проехали по всему городу и с Ленинских гор увидели панораму столицы. А потом я увидел Москву праздничную. Это было просто счастье, что мы приехали в СССР накануне такого большого события — 50-летия Советской власти. 7 ноября я стоял на Красной площади, смотрел парад и демонстрацию. Как мне хотелось, чтобы рядом оказались друзья и родные, которые остались во Вьетнаме, чтобы они пережили вместе со мной эти незабываемые минуты. Домой мало писал о Москве — разве все опишешь? Приеду — буду долго-долго рассказывать.

...Мы долго гуляли с Нинем по Москве, кружили по центру, ездили в новые районы.

— Вот увидишь, у нас тоже будут такие города, такие улицы, как проспект Калинина, Волгоградский проспект, — говорил мой вьетнамский друг. — Строить придется очень много, ведь все разрушено. А в некоторых местах люди жили даже под землей. Ты был в одесских катакомбах? — вдруг спрашивает меня Нинь и, не ожидая ответа, продолжает: — Я видел их в прошлом году, когда мы ездили на экскурсию в Одессу. В таких же подземельях работали и учились жители провинции Куангбинь, возле 17-й параллели. Мы сохраним эти подземелья как памятник мужеству нашего народа.

Ниню 23 года, но, слушая его, удивляешься, как много мудрой зрелости в этом молодом

парне и ответственности перед своей страной.

Нинь говорит быстро, на ходу поправляясь и подыскивая нужные слова. Русским начал заниматься еще в школе, потом уже здесь на подготовительном курсе штудировал его целый год. Но все-таки очень разные по своему строю языки — вьетнамский и русский. На первых порах было трудно: ведь лекции-то все на русском.

— Конспекты выглядели сначала странно, — смеется Нинь. — Успевал уловить только начало и конец фразы, а пробелы в середине заполнял после лекции при участии советских ребят.

Однажды, когда занимался в читальне, никак не мог осилить трудное место в учебнике. Пришлось попросить соседа — так Нинь подружился с Борисом Болбатовым из Омска.

— Эта дружба мне очень помогла. Жаль, что скоро расстанемся. Но будем переписываться, и я надеюсь, что Борис когда-нибудь приедет ко мне в гости. Конечно, грустно покидать Москву и друзей, которых я здесь нашел, но все-таки я с нетерпением жду возвращения на родину и той минуты, когда мои знания начнут приносить практическую пользу.

Дипломная работа Ниня — проект завода строительных элементов для сельских домов. Когда Нинь уезжал в Советский Союз, половина его родной деревни лежала в руинах. А потом он узнал, что деревня снесена с лица земли. Произошло это за три дня до подписания соглашения. Не уцелел и родительский дом. К счастью, все жители успели укрыться.

— Мой диплом, — говорит Нинь, — это плод труда моих советских наставников, друзей, помогавших в учебе. Трудно выразить словами, как я им всем благодарен! Постараюсь показать это своей будущей работой.

Диплом, который Нинь привезет домой, будет уже вторым в его семье. Старший брат четыре года назад окончил институт в Кривом и теперь работает в Главном геологическом управлении в Ханое. Он геолог, разведывает пригодные для строительства материалы. Пишет, недостатка в них стройки республики не будут испытывать.

Потом мы с Нинем поехали на Калининский проспект. Как всегда, здесь было многолюдно, по широкой мостовой неслись потоки машин, солнце плавилось в окнах. Мы уже ни о чем не говорили, просто смотрели и слушали столицу. И только на прощание я услышал от Ниня:

— Хочу, чтобы наши будущие города были похожи на Москву...

Большой день в жизни Ниня: он защитил диплом на «отлично».

Фото Б. Кузьмина.

НАБОР ВЫСОТЫ

Уважаемая редакция! В очерке Н. Быкова и А. Щербакова «Новая весна» («Огонек» № 14, 1973 г.) были затронуты некоторые вопросы сельскохозяйственного производства, по которым стоит продолжить разговор: очерк навел на размышления, многое, что волнует белорусских председателей, волнует и меня, моих товарищей. Я полностью согласен с мнением В. Л. Бедули, что развитие сельского хозяйства немыслимо без соревнования технологий. У нас на Опытной станции сложилась технология производства зерна, обеспечивающая ежегодно получение устойчивых урожаев в пределах 27—31 центнера зерна с гектара на площади три тысячи шестьсот гектаров. Это вам не две-три делянки, это десятки полей в зоне Нечерноземья! Хорошо продуманная система обработки почвы, качественные семена, комплексы машин, передовые формы организации труда — вот что представляет собою технология производства зерна в нашем хозяйстве. И она ежегодно совершенствуется. В этом году, например, мы перешли на новые севообороты. Одна из особенностей их — укрупненные поля. В результате реконструкции полей вырос коэффициент использования пашни и техники. Стал производительнее, а главное, интереснее труд механизаторов. Не раз слышал от наших механизаторов Валентина Помещикова и Геннадия Игнатова:

— Приятно работать на таких полях! Гоны длинные, меньше разворотов. В прошлом году за четыре дня засевали сто шестьдесят гектаров, а в этом — двести сорок.

В технологии производства зерна важную роль играют минеральные удобрения. Наше хозяйство, как и другие в Суздальском районе, получает их сейчас в значительном количестве. По существу, весь район уже несколько лет ведет разведку урожаем. Разведку — потому что никто не знал, какими намолотами может одарить земля Владимирского Ополя. А ей только дай минеральные туки! Многие бригады, хозяйства доказали, что двадцать пять, даже тридцать центнеров зерна с гектара в наших условиях не предел. В прошлом году в нашем хозяйстве бригада А. С. Сухарева получила почти по тридцать семь центнеров зерна и опять же не на отдельном участке, а на площади более семисот гектаров! Не доказательство ли это того, что Нечерноземье, слывшее бедным, может ежегодно давать не менее полутора миллиардов пудов хлеба!

Химизация вписала в картину Ополя новые детали — это сельскохозяйственные аэродромы с асфальтированными взлетно-посадочными площадками и крупными складами для хранения минеральных удобрений. Первый такой аэродром в области был построен Опытной станцией. И тут хозяйство шло на тот самый риск, о котором говорил В. Л. Бедуля как о хорошо продуманном расчете. Смелые расчеты подтвердились: использование аэродрома оказалось тем самым лучшим вариантом, при котором можно быстро и качественно внести минеральные удобрения. Самолеты стали работать уже с самой ранней весны, когда на грунтовые площадки их еще не посадишь. Механизация заменила ручной труд. На загрузку самолета удобрениями уходит только две минуты. Производительность труда

возросла в четыре раза! А каждый центнер дополнительно внесенных удобрений дает теперь четырнадцать рублей дохода.

Дальнейший рост урожайности — проблема не только агрономическая, но и социальная. Урожайность зависит не только от системы агромероприятий и комплекса машин, но и от тех, кто работает на земле. Верно говорят в народе: «Сила земли — в силе людей». Я не помню случая, чтобы Валентин Помещиков плохо вспахал, посеял или кое-как убрал. Двадцать один год проработал он в одном хозяйстве на тракторе и комбайне, за честный труд награжден орденом Ленина. Четверть века проработал на тракторе и Николай Логинов. Большой стаж работы у механизатора Геннадия Игнатова. Оба награждены орденами «Знак Почета». Отделение, в котором они работают, собрало в 1972 году более чем по тридцати центнеров зерна с гектара на площади свыше тысячи трехсот гектаров. Вот вам и засуха!..

Надо признать, что те механизаторы, кому сейчас сорок пять и больше лет, — наш золотой фонд. Ну, а каким будет пахарь и сеятель ближайших годов? Кто поведет ту мощную технику, которую готовят, выполняя решения XXIV съезда КПСС, рабочие Харьковского, Кировского и других заводов? Этот вопрос, конечно, нельзя обойти, замалчивать. Говорят, что сельским механизатором должен быть тот, кто любит землю. Но разве любовь к земле врожденное, а не нажитое, приобретенное в труде качество человека? Часто можно слышать, как в колхозе или совхозе уговаривают молодого тракториста остаться в хозяйстве: и трактор-то ему обещают новый и высокий заработок... А тракторист, не поработав даже одного года, бросает трактор, уезжает в город. Характер молодых механизаторов формирует, по-моему, пример специалистов сельского хозяйства. Наверное, из коллектива одержимого конструктора самолетов сотрудники не уходят. Агроном — конструктор урожая! И не кто иной, как агроном, должен заразить молодых своей мечтой, убедить собственной верностью призванию — сделать землю более плодородной и прекрасной.

Сейчас постепенно приходят к выводу, что в сельском хозяйстве наиболее прогрессивной является звеньевая организация труда с аккордно-премиальной оплатой и безнарядным авансированием. Но есть ряд причин, тормозящих организацию и работу таких звеньев, крестьянских по самой своей сути. В нашем хозяйстве создано четыре механизированных безнарядных звена. Уже одно то, что они работают десять лет и добиваются хороших результатов, говорит об их жизнеспособности и перспективности. Члены звеньев теперь не стремятся «наматывать» ненужные гектары мягкой пахоты, все делают по совести, качественно и в срок. Но нельзя сказать, что работают они у нас без сучка и задоринки. Бывают случаи, когда, выполнив работу на своем поле, они продолжают на нем «топтаться». Техника в звене оказывается незагруженной, а в это же время на соседних полях ее не хватает. Давно назрела необходимость Министерства сельского хозяйства СССР обобщить опыт лучших безнарядных звеньев. Надо бы сделать глубокий анализ их работы и из-

дать рекомендации по организации и оплате труда в звеньях.

Механизированные звенья прежде всего нужно оснастить комплексом принципиально новых современных машин. Известно, что примерно такие комплексы имеют уже звенья, возделывающие сахарную свеклу. В нашей зоне значительные площади заняты кормовой. Но звенья до сих пор не имеют хороших сеялок, подобных сеялкам точного высева для сахарной свеклы. Не хватает пропашных культиваторов. И совсем нет машин для уборки кормовой свеклы.

От внедрения передовой техники во многом зависит производительность труда в сельском хозяйстве. Наши агрономы и трактористы дали высокую оценку новым плугам с вырезными отвалами, позволяющими на землях с небольшим пахотным слоем производить вспашку на глубину тридцать сантиметров, не выворачивая на поверхность глину. Хорошо зарекомендовали себя на наших полях культиваторы — выравниватели почвы. Но многие машины давно уже не устраивают хлеборобов. Комбайны СК-4 в наших условиях теряют до пяти центнеров зерна на гектаре. Выпадающая июльскими и августовскими ночами роса не позволяет комбайнерам выезжать в поле раньше десяти часов утра. Бывает и так: налетит тучка, чуть покрывает дождик, и снова простой — жди, когда солнце просушит хлеба. Но даже наше научно-исследовательское хозяйство не может получить новых комбайнов — или «Колос», или «Ниву». В прошлом году по предложению Министерства сельского хозяйства РСФСР нам были выделены четыре комбайна «Нива», но мы не получили ни одного. Похоже, что и в этом году к началу уборки их не будет.

В снабжении сельскохозяйственной техникой много неувязок в планирующих органах. Например, получили мы мощный трактор К-700, а к нему только... плуг. Трактор используем на вспашке зяби, а в остальное время года он стоит, потому что комплекта орудий для предпосевной обработки почвы и сеялок к нему не имеем.

Многие сельскохозяйственные машины поступают плохо собранными. Например, если не подтянуть гайки новых борон и выехать в поле, то на первом же гектаре недосчитаешься половины зубьев. Еще до выхода в поле сельским механизаторам приходится заниматься креплением узлов и деталей новых зерновых сеялок и культиваторов. Иногда требуются даже сварочные работы. Досадно! Все эти недоделки, отнимающие много времени у сельских механизаторов, можно запросто устранить на заводах.

Научно-технический прогресс придает новые силы земле. Каждое утро можно видеть, как самолеты сельскохозяйственной авиации набирают высоту и работают над полями. Набор высоты — он виден во всем: в урожайности, в экономике хозяйств, в культуре земледелия. Вот почему важен был по весне диалог двух председателей колхозов. Думаю, что стоит его продолжить: это в интересах всех, кто идет к финишу сельской пятилетки.

М. БРЕЛЬ, заместитель директора Владимирской областной сельскохозяйственной Опытной станции

ЖИЗНЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Евгения ТАРАТУТА

Короткая, но яркая, как легенда, жизнь Сергея Кравчинского (Степняка), выдающегося русского революционера; писателя и публициста, была полна драматических событий, риска, лишений и опасностей. Этот человек не принадлежал самому себе, его сознательное бытие складывалось из массы различных форм борьбы с самодержавием и угнетателями всех мастей. Родившись в 1851 году в семье военного врача, окончив впоследствии Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, он рано увидел страдания простого народа и безраздельно отдал себя делу его освобождения. Он мечтал о свободе не только для русского народа. В 1875 году он участвовал в освободительной борьбе с турками в Герцеговине, в 1877 году его видят в рядах восставших итальянской провинции Беневенто... Свой литературный талант он использует для революционного просвещения рабочих, повторив подвиг Герцена, пишет очерки о борющейся России ради усиления этой борьбы: «Подпольная Россия» (1882), «Россия под властью царей» (1885), «Русская грозавая туша» (1886); в героях художественных произведений он воплощает образы русских рево-

люционеров — в повести «Домик на Волге» (1889), в романе «Андрей Кожухов» (1889). Он был дружен с Ф. Энгельсом и Элеонорой Маркс, с Г. В. Плехановым, с Б. Шоу и Этель Лилиан Войнич, со многими европейскими социалистами, философами и писателями. Если бы не нелепая гибель в 1895 году, он, возможно, пришел бы к марксизму, как это было со многими искренними патриотами, жившими в эмиграции. Однако и короткой, но славной жизни С. М. Степняка-Кравчинского достаточно, чтобы с полным основанием считать огромным тот вклад, что он внес в дело просвещения народа, в подготовку русской революции, в объединение зарубежных друзей обновляющейся России.

Здесь вниманию читателей предлагается небольшой монтаж из фотографий и рисунков, фиксирующих жизнь и деятельность С. М. Степняка-Кравчинского в различные годы его пребывания на родине и в эмиграции. Часть этих материалов публикуется впервые. Рассказ ведет известный литературовед и критик Евгения Александровна Таратута, книжка которой о Степняке-Кравчинском только что вышла в издательстве «Художественная литература».

Самая первая

Все началось с «Огонька». В 1955 году здесь был опубликован мой очерк «Роман «Овод» и его автор». В этом очерке я впервые рассказала о связи романа «Овод» с личностью и творчеством С. М. Степняка-Кравчинского. Вскоре в редакцию пришло письмо из Донецка от Елизаветы Николаевны Кравчинской, вдовы племянника писателя. Мы начали переписываться. Е. Н. Кравчинская сообщила мне много интересного о семье мужа, но самое главное — она прислала мне в подарок фотографию молодого Сергея Кравчинского, сохранившуюся в семейном альбоме. Фотография маленькая, выцветшая, но такой нет ни в одном архиве, ни в одном музее. Здесь она публикуется впервые.

Даты на фотографии нет, но полагаю, что она сделана не раньше 1871 года, когда поручик артиллерии Сергей Кравчинский вышел в отставку и поступил в Земледельческий институт в Петербурге, так как до этого он должен был носить мундир. И не позже 1873 года, так как тогда Кравчинский был арестован за пропаганду идей социализма в народе, бежал из-под ареста и перешел на нелегальное положение и фотографироваться ему было нельзя. Значит, вот такой он был студентом в 20—21 год, вот такой он был, когда решил посвятить свою жизнь революции.

О нем писал Александр Блок

В мемуарах современников сохранилось описание внешности Кравчинского, когда ему исполнилось 27 лет. В 1878 году, после долгих вынужденных скитаний по Западной Европе, после длительного пребывания в тюрьме в Италии, где он был арестован за участие в вооруженном восстании, Кравчинский снова вернулся в Россию. Он стал членом организации «Земля и Воля», был редактором ее журнала, в отместку за гибель многих своих товарищей-пропагандистов убил на людной площади Петербурга шефа жандармов. В целях конспира-

ции одно время Кравчинский должен был жить по паспорту грузинского князя. Таким и описывает его А. Блок в поэме «Возмездие»:

Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И степен; мужественный вид;
Одет совсем, как иностранец.
Изысканно; в руке блещит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый,
Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.
И сонм собравшихся затих...

Сохранилась и фотография Кравчинского тех времен. По ней мой друг художник Адриан Осмоловский сделал портрет писателя методом интарсии — из кусочков дерева и подарил его мне. Здесь он публикуется впервые.

Лили Буль
на память
19 декабря 1887

«Лили Буль на память»

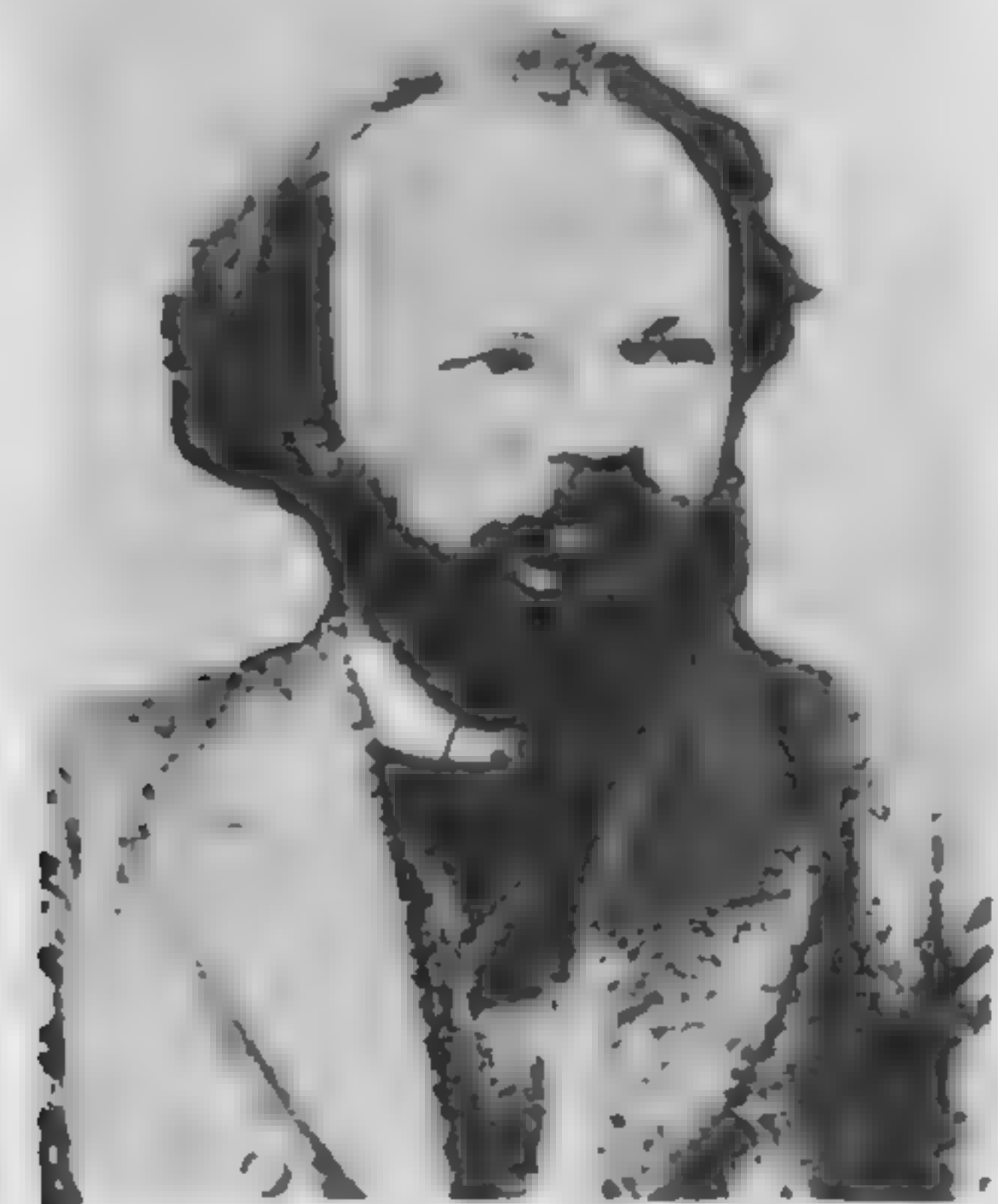
Так написано на фотографии, которую Лили Буль, ставшая Этель Лилиан Войнич, хранила всю свою жизнь. Фотография эта сделана в Лондоне в 1887 году. В самом конце 1878 го-

да Кравчинский вынужден был снова уехать за границу. Он думал — на несколько недель, оказалось, навсегда. Он скитался по Швейцарии, Италии и в 1884 году, спасаясь от преследований агентов царской полиции, переехал в Лондон. Здесь он жил под фамилией Степняк. Этим же именем были подписаны его книги

о России, о русском революционном движении. Он выступал на митингах, читал лекции, стремясь завоевать общественное мнение в пользу русской революции. Степняк создал английское «Общество Друзей Русской Свободы» и в конце 1890 года отправился в США, чтобы и там вербовать единомышленников. Накануне отъезда он и подарил Лили Буль свою фотографию, надписав: «Лили Буль на память. 19 декабря 1890».

Путешественник из Альтрурии

Вот таким видели Степняка американцы, которым он рассказывал о России, о ее революционерах, о ее великих писателях — Льве Толстом и Тургеневе. Степняк выступал во многих городах США и произвел на американцев огромное впечатление. Он завоевал симпатии многих выдающихся американских писателей, общественных деятелей. Известно восторженное письмо Марка Твена Степняку. Оно сохранилось в архиве Степняка-Кравчинского и впервые было опубликовано в «Огоньке» в 1957 году.

Познакомился Степняк и с выдающимся американским писателем Вильямом Дином Хоуэллом. Через три года В. Д. Хоуэлл выпустил роман «Путешественник из Альтрурии», в котором очень сочувственно в образе главного героя вывел русского писателя-революционера. Гражданин не ведомой никому Альтрурии кажется американцам существом совершенно особенным, принадлежащим к иной, высшей расе. Его любовь к людям, его демократизм удивляют американцев, одних пугают, других привлекают.

Рядом с Энгельсом

Кроме фотографий, у меня есть несколько рисунков, изображающих Степняка-Кравчинского. Особенно интересен рисунок, напечатанный в лондонской газете «Дейли график» от 2 мая 1892 года. На нем изображена первомайская демонстрация в Лондоне. На трибуне № 14 выступали марксисты. На первом плане — дочь К. Маркса Элеонора. В глубине стоят: первый справа — Фридрих Энгельс, за ним стоит третий слева С. М. Степняк-Кравчинский. Живя в Англии, С. М. Степняк-Кравчинский

принимал активное участие в международном рабочем движении. Он дружил с Ф. Энгельсом, с Элеонорой Маркс, с видными английскими социалистами. На первомайской демонстрации в Лондоне в 1890 году он выступил с речью и вызвал «бурю восторга», как писал Фридрих Энгельс друзьям. И с тех пор С. М. Степняк-Кравчинский постоянно бывал на первомайских демонстрациях на одной трибуне с Энгельсом.

Рисунок Бернарда Шоу

На большинстве портретов С. М. Степняка-Кравчинского лондонского периода его жизни поражает суровое, мрачное выражение его лица — он мучительно тосковал по родине. А вот Бернард Шоу, друживший с ним, уловил в его лице иное выражение и так и нарисовал его: добрым, ласковым, каким он и был на самом деле. Недаром знаменитый драматург вспоминал о своем русском друге: «Встречаясь со Степняком, я всегда, глядя на него, испытывал чувство радости».

Этот портрет видел Ленин

И личность С. М. Степняка-Кравчинского и его незаурядная внешность привлекали многих художников. Дружил с ним и в 1893 году написал маслом его портрет английский художник Феликс Мошелес.

В 1907 году, во время V съезда РСДРП, проходившего в Лондоне, Ф. Мошелес пригласил к себе В. И. Ленина, М. Горького и нескольких других делегатов съезда. Показывая гостям свои работы, художник сказал:

— Вот мой друг, итальянский борец за сво-

боду, а вот ваш соотечественник: это портреты моей работы.

Это были Гарибальди и Степняк.

Портрет С. М. Степняка-Кравчинского потом попал в Россию. Он был выставлен в музее П. А. Кропоткина в Москве, а сейчас находится в Государственном историческом музее.

В Британском музее

Английский коммунист, директор Дома Маркса в Лондоне Эндрю Ротштейн прислал мне фотографию рисунка, хранящегося в Британском музее. Художник В. Стренг показал нам С. М. Степняка-Кравчинского, погруженного в глубокие раздумья. У нас этот рисунок публикуется впервые.

Среди друзей

А вот С. М. Степняк-Кравчинский снят вместе со своими соратниками, русскими политическими эмигрантами (стоит третий справа). Снимок сделан в 1894 или в 1895 году. Многие русские эмигранты группировались вокруг Степняка, особенно те, кто был его друзьями еще с юности, вместе с кем он вел пропаганду в рабочих кружках Петербурга. Некоторые из них попали за границу после долгих лет тюрем и ссылок.

В белой блузке сидит верная подруга Степняка — Фанни Марковна. Она пережила своего мужа на 50 лет и умерла в Лондоне в 1945 году... Это она помогала в 1907 году в организации работ V съезда РСДРП, и в своем последнем заседании, на котором председательствовал В. И. Ленин, съезд вынес ей благодарность. Это она издавала сочинения мужа, она сберегла его архив и передала его Советскому Союзу.

Он

или

не

он?

Есть в моей коллекции фотография особенная. Оригинал ее хранится в огромном альбоме с красным сафьяновым переплетом. Этот альбом принадлежал императору Александру III. Царь собирал фотографии своих врагов — в этом альбоме находятся портреты многих русских революционеров того времени. С подписью «С. Кравчинский» хранится там и эта фотография. Но я сомневаюсь: он ли это? Совсем другая линия бровей, другие очертания лица, но линия волос похожа, очки он носил. По донесениям сотрудника департамента полиции, заведующего заграничной агентурой П. И. Рачковского, известно, что фотографию Кравчинского он в Петербург посылал. Но эту ли?

Самая последняя

Эта домашняя, любительская, или, как тогда говорили, «аматёрская», фотография сохранилась в бумагах давнего друга писателя — П. А. Кропоткина, также вынужденного много лет прожить в изгнании. Мне подарила ее сотрудница Центрального государственного архива Октябрьской революции К. Г. Ляшенко.

С. М. Степняк-Кравчинский был физически очень сильным и все любил делать сам: колол дрова, проводил в доме газовые трубы, смастерил себе письменный стол. Таким — рабочим, мастеровым — и снят он здесь. Фанни Марковна писала в 1907 году в Петербург издателью собрания сочинений С. М. Степняка-Кравчинского профессору С. А. Венгерову, что это фото на пороге коттеджа снято летом 1895 года — в июле или в августе.

Он

жил

здесь

А вот фасад этого коттеджа — № 45 по Вудсток-род, где Степняк жил в 1894—1895 годах. Из этого дома он вышел в понедельник утром 23 декабря 1895 года, торопясь к друзьям на совещание по поводу издания с нового, 1896 года русской революционной газеты, редакто-

ром которой он должен был быть. Это было его последнее утро. Переходя линию пригородной железной дороги, он попал под поезд...

В 1968 году я была в Лондоне, прошла по адресам, где жили Э. Л. Войнич и С. М. Степняк-Кравчинский, и сфотографировала это здание.

Он живет

В небольшом селе Новый Стародуб кировоградской области библиотека носит имя С. М. Степняка-Кравчинского (на снимке). Его именем названа также одна из улиц села. На здании больницы, построенной на старинном фундаменте военного госпиталя, где главным лекарем был отец писателя, недавно установлена мемориальная доска: «В этом здании в 1851 году родился писатель-публицист, революционер-демократ Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский».

Издаются книги С. М. Степняка-Кравчинского, исследователи изучают его жизнь и творчество. В прошлом году издательство «Художественная литература» выпустило большим тиражом том его избранных произведений. В этом же издательстве вышла на днях и моя книга о революционере и писателе С. М. Степняке-Кравчинском.

ВИСЛА ТЕЧЕТ В СИЛЕЗИИ

Эугениуш К. КОСТШЕВА,
польский публицист

В июле 1944 года над районом Бренна — Устронь была сброшена группа советских парашютистов-разведчиков. Среди них находилась 18-летняя девушка — радистка Саша. Эта группа действовала на территории Силезии около восьми месяцев, тесно сотрудничая с польскими партизанскими отрядами и подпольными организациями Польской рабочей партии, и передавала Советской Армии ценные сведения.

Саша (Александра Ивановна Анисимова) описала события тех дней в книге «На короткой волне», которая вышла в польском издательстве «Шленск» в переводе автора этих строк.

В книге А. Анисимовой великолепно передана атмосфера тех дней, атмосфера польско-советского братства по оружию и приведены примеры бескорыстной помощи, без которой, как подчеркивает А. Анисимова, она не только не смогла бы выполнить порученное ей задание, но и вообще остаться в живых. Недавно Саша вновь побывала в Бескидах, посетила места боевых действий, встречалась с людьми, которые помогали ей в то время и которые не раз спасали ей жизнь. Я сопровождал Сашу в путешествии по дорогам войны. Вот рассказ об этой поездке.

Шел 1944 год, год новых и новых поражений гитлеровцев. Война продолжалась. Враг не сдавался, усиливая террор на оккупированных территориях. Но росло и сопротивление.

Была душная летняя ночь. Пелена облаков заволокла звезды. В воздухе висела гроза. С территории уже освобожденного Люблинского воеводства в воздух поднялся советский самолет. При перелете через линию фронта его обстреливали, и летчик сбился с курса. Сейчас мы знаем это, но тогда... Самолет оказался не над тем местом, где было условлено, и там, внизу, Сашу никто не ждал. Вернее, ждал враг.

...Парашют накрыл верхушку ели как шапкой, колючие ветки расцарапали девушке лицо, стропы запутались в сучьях дерева. Она вытащила из кармана нож и с трудом освободилась от парашюта.

Рядом проходила дорога... Бежать! Бежать как можно скорее, пока не заметили парашюта!

Каждый куст, каждое дерево, любой шорох вселяли страх. Она боялась, она была одна, совершенно одна! А рядом — враг!

Встреча Саши — А. И. Анисимовой — с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Герекком.

Фото Е. Мирский.

Солнце на небе поднялось уже высоко, а Саша все бежала, петляла, спотыкалась о корни деревьев и снова бежала — как можно дальше от шоссе, по которому мчались автомашины с фашистами. Ветер сорвал у нее с головы косынку. Она бежала долго, стараясь запутать следы, через ручьи, камни, все время меняя направление. Начинало темнеть. Идти дальше не было сил...

Парашют остался на дереве. Его найдут. И косынку тоже.

Гестапо догадается, что она радистка: ведь девушки в разведгруппах чаще всего бывают радистками. Надо уходить как можно дальше от того места, куда ее сбросили. Так прошла неделя. Силы девушки были на исходе...

Его звали Ян Бойда. Саша скрывалась в его доме, прежде чем ей удалось добраться до партизан. Едем к Бойде. По дороге Александра Ивановна пытается восстановить в памяти события более чем двадцатилетней давности...

...Ян привел ее к себе измученную, изможденную. Его жена сразу же приготовила баню, дала чистое белье...

Мы подъехали к дому Бойды. На крыльцо выбегает Ян — худощавый, сильно постаревший, в зеленом мундире лесничего. Они с Сашей обнимаются, целуются...

— Вы пришли тогда с Пильхой, — вспоминает Ян. — Он сказал, чтобы я как можно быстрее поста-

рался связать советскую девушку с партизанами.

И вот мы у Пильхи. Это был первый дом, в котором Саша нашла приют. Снова волнующая встреча, снова объятия и слезы. Но в лесу, оказывается, Сашу нашел не он.

— Это был Чвертня, конечно, это был он, — говорит Пильха, и мы идем к дому Чвертни.

— Глянь-ка, Павел, — обращается Пильха к человеку, встретившему нас на пороге крестьянской избы. — Узнаешь?

Павел Чвертня некоторое время пытливо всматривается в лицо Саши, а потом говорит тихим, дрожащим голосом:

— Смотри-ка, девушка, оказывается, я тебе жизнь спас...

Двадцать с лишним лет Чвертня никому об этом и словом не обмолвился.

...В тот день он работал вместе с Пильхой. Пильха сообщил ему: говорят, где-то здесь, в лесу, бродит советская парашютистка. Павел ничего не ответил, как будто и не слышал напарника... Однако, вернувшись домой, положил в сумку несколько лепешек и отправился в горы. Павел Чвертня из деревни Устронь-Добки нашел Сашу, принес ей еду, одежду. Он знал, что за это рискует головой. Саша получила возможность связаться с партизанами, с советскими разведчиками и приступить к выполнению своего задания. Начиная с этого времени из далеких

Бескид в эфир ежедневно летели важные сообщения.

Радиостанция не могла долго находиться на одном месте. Некоторое время она помещалась в блиндаже в Дьявольском Млыне на Старом Гроне.

— Таких укрытий было много, и мы перебирались с места на место: майор Щепанович, Василь, Коля, я, польские партизаны, — вспоминает Саша. — В блиндаже на Орловой мы праздновали Новый год. Здесь же недели через две получили сообщение о вражеском наступлении.

Гитлеровцы окружили весь лес, прочесывали каждый его уголок. Мы оказались в ловушке. Пришлось прорываться через вражеские цепи, и еще раз выручил лес...

Устронь. К самому дому пани Жертковой подходил ручей, по которому по колено в воде шли партизаны, чтобы сбить со следа полицейских собак... Здесь, в городе, где на каждом шагу полицейские посты, укрывать партизан особенно опасно и трудно. И все же нашлись люди, которые ни минуты не колебались. В доме мамы Жертковой стояли солдаты вермахта, а во дворе в сарайчике прятались Саша со своей рацией и партизаны.

— Мне тогда еще не исполнилось девятнадцати лет, — рассказывает Саша. — Фронт проходил уже совсем близко — километров пятьдесят, может, сто, не больше. А здесь на каждом шагу подстерегала смерть. Приходилось соблюдать чрезвычайную осторожность. Нам очень помогли коммунисты из Устроны. На расположенном недалеко кладбище они передавали нашим разведчикам сведения, которые я сообщала по радио в штаб.

В Бренне мы скрывались у Элизы Холексовской. Ее дом стоит возле леса, внизу — шоссе. Наблюдение за ним было нашей главной задачей: сколько машин, с каким грузом, — продолжает Александра Ивановна. — Сюда ко мне приходили партизаны, приносили свои сообщения. Все это я должна была передавать в эфир...

Тот самый дом, та самая дорога, тот самый лес... Саша узнает и не узнает эти места. Многие изменились здесь. У Элизы растет дочка. Она очень похожа на младшую сестру Элизы, маленькую Ганночку, которая учила Сашу польскому языку, а сама училась у нее русскому, слушая таинственный писк морзянки. Теперь Ганна стала учительницей и учит детей родному языку Саши.

В этом доме Саша и Элиза предавались обычным девичьим мечтам — о любви, о счастье, о том дне, когда можно будет среди бела дня пройти по улице, ни от кого не прячась.

Саша вспоминает текст последней своей передачи: «Говорит Нева, говорит Нева! Фашисты в районе Бельско-Бялы и Скочува в панике готовятся к бегству. Мы слышим ваши орудия! Ждем! Висла течет в Силезии!»

Школа № 12 в Мысловицах. В одном из классов идет урок русского языка. Его ведет Ганна Домбровская, до замужества Ганна Холексувна из Бренны. Тема урока? Может быть, это рассказ о братстве по оружию советских и польских солдат, может быть, рассказ о советской радистке Саше, может, дети читают строки из ее книги. Кто знает... Не будем мешать. Урок продолжается.

Б. Мирза-заде. ДОЯРКА.

В. ИВАНОВ. АВТОПОРТРЕТ С ДОЧЕРЬЮ.

Хуан Гарсиа, как всегда, вышел на работу задолго до ее начала. Такая у него привычка, а он как раз в таком возрасте, когда настоящие мужчины привычек не меняют. Дело, конечно, не только в привычке. Просто любит Хуан пройтись не спеша по утренним улицам Карденаса. Ему нравится наблюдать, как оживают улицы города, как наполняются они шумом. Ему нравится раскланиваться со старыми знакомыми. Нравится отливающая синеватой сталью, отполированная временем, автомобилями и сотнями ног брусчатка мостовой, которая, казалось, источает ночную прохладу. И хотя Хуан не чувствует через подошвы ботинок прохладу брусчатки, он невольно поджимает пальцы, как в детстве, когда бегал по ней босиком.

За спиной он слышит цоканье лошадиных копыт и знает, что через несколько секунд раздастся голос Мариано и последует его традиционная шутка: «Ну что, сеньор Хуан, не подвезти ли вас на работу? Вы же знаете, что в целом городе не найдется таких мягких рессор, как у моей кареты!» И, не дожидаясь ответа, весело засмеется. Хуан отлично знает, что Мариано выезжает в этот ранний час отнюдь не в поисках пассажиров. Люди ездят теперь на работу на автобусах, а старые пролетки — дань традиции, придающей городу своеобразную прелесть. Пассажиры Мариано — ребяташки.

В Карденасе, как во всяком приморском городе, дороги сбегают к морю. Вот уже показался бронзовый шестифутовый Колумб. И Хуан раскланивается с ним мысленно. «Хорошо, что именно у нас в городе поставили первый памятник Колумбу на Кубе. Человек был смелый, а смелых у нас всегда уважали».

Улица переходит в портовый причал. Это происходит так незаметно, что он кажется продолжением улицы, и только прижавшиеся к причалу суда, треск лебедек, шум, который неизбежно сопровождает работу в порту, как бы проводят грань между еще не очень оживленной улицей и практически не засыпающим портом.

Хуан придирчиво наблюдает за разгрузкой пароходов. И, хотя он знает, что здесь соблюдается железный порядок, он все-таки заходит сюда каждое утро, чтобы взглянуть, как идут дела. «Я такой же хозяин всего, как и все мы. Что ж такого, если лишний глаз присмотрит за порядком!» Он подошел к большой стопке стальных листов с надписью «Сделано в СССР» и зачем-то начал их считать. Он прекрасно помнил, сколько листов должно прийти, и отлично знал, что не было случая, когда бы поставки не пришли в срок. Хуан понимал ненужность этого пересчета и оправдывал себя: «Листы-то привезли для нашей верфи...», — но досчитать ему все же не удалось.

Совсем рядом с Хуаном проскочил юркий автокар с подъемником. И белозубый Рикардо, подражая голосу кучера Мариано, озорно крикнул ему: «Ну что, сеньор, не подвезти ли мне вас на работу? Моя крошка поднимает до пяти тонн!» И тут же юркнул за груды мешков с удобрениями. «Счастливого парня!» — подумал Хуан. — Ведь ты, пожалуй, до сих пор не знаешь настоящей тяжести полного мешка, будь он с са-

Геннадий ЗАФЕСОВ

УТРО ХУАНА ГАРСИА

харом или с селитрой. И уж, конечно, не знаешь, сколько весит десятый или сотый мешок, который приходилось таскать по скользким, шатким сходням из паровозных трюмов. Это все-таки здорово, что таким, как ты, не пришлось этого узнать. Для этого мы и делали революцию».

Работа на причалах кипела, и на рейде можно было увидеть еще несколько пароходов, ожидающих разгрузки. На корме большинства из них развевался красный флаг с серпом и молотом. И это тоже для таких, как Рикардо, было привычным. Знают они, конечно, из учебников истории, как сюда приходил первый советский корабль; да, для них это история, а Хуан не только знал участников тех событий, но боролся вместе с ними за счастье Кубы.

...Шел 1925 год. Первый советский корабль «Воровский» вошел в залив Карденаса. Это было событие. Впервые люди могли увидеть представителей далекой страны, где впервые в истории всю власть взяли в руки рабочие и крестьяне, такие, как Хуан и его друзья. Решено было устроить советским морякам торжественную встречу. Но власти были настороже. Советскому пароходу запрещено было пришвартовываться к причалам Карденаса, и он остался на рейде. Тогда-то Хулио Антонио Мелья — один из создателей Коммунистической партии Кубы — и отправился вплавь на корабль к советским морякам. Он передал им приветствие трудящихся и национальный флаг Кубы. После этого он и прочел свою знаменитую лекцию «Четыре часа под красным флагом», которую долго потом пересказывали тем, кому не удалось ее послушать.

В ворота судоверфи «Виктория-де-Хирон» Хуан вошел, как всегда, не предвзятым пропуском. С тех пор, как получил его, так и лежал он новеньким в кармане. Ни одному вахтеру не приходило в голову спрашивать пропуск у Хуана, которого все знали и который знал всех. В первую очередь он отправился туда, где было общежитие школы фабрично-заводского обучения. Ребята уже поднялись и на площадке перед общежитием старательно и даже азартно делали утреннюю гимнастику. «Хорошее дело, — одобрил про себя Хуан, — корабли должны быть здоровыми. Иначе какие же они будут

26 ИЮЛЯ — ПАМЯТНАЯ ДАТА В ИСТОРИИ КУБЫ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД В ЭТОТ ДЕНЬ НАЧАЛОСЬ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ.

строить корабли!» И тут же вспомнил о том, что должен сегодня выступать на собрании Союза молодых коммунистов. Хуан решил рассказать молодым о той борьбе, которую он вел в подполье, находясь в Камагуэе. Рассказать, как раздобывали оружие, медикаменты, бумагу для листовок... Рассказать о тех лишениях и риске, которым подвергались подпольщики. Рассказать о товарищах, которым не пришлось дожить до светлого дня победы и которые тогда еще не могли и представить, что Куба будет когда-нибудь строить свои корабли. По правде сказать, и Хуан не думал тогда, что он станет строителем кораблей.

Море его всегда тянуло. Это была, скорее, детская мечта о белых пароходах, белоснежных морских фуражках с огромными золотыми «крабами» и, конечно, дальних странах. Да и какие могли быть представления у Хуана о географии, если ему едва-едва удалось закончить пять классов. Продавал газеты, разносил по домам покупки, чистил ботинки. И скоро вместо туманных дальних странствий стали сниться Хуану начищенные до блеска ботинки. Мальчику не могла прийти даже мысль о покупке таких ботинок. Он не любил свою работу и своих клиентов. Ему не нравились самодовольные, безразличные лица владельцев дорогих ботинок.

Однажды на маленьком деревянном ящичке перед ним появилась большой рабочий ботинок. Таких Хуану не приходилось чистить. Он поднял голову и встретился с серьезными, внимательными глазами молодого мужчины.

— Ну, что ты, приятель, так удивился? — сказал этот человек. — Мне поговорить с тобой надо. Ты давай начинай, а я тебе расскажу, в чем дело.

Так Хуан познакомился с Хорхе Кемадо и вскоре после этого выполнил первое его поручение: незаметно положил в ботинок с большой медной пряжкой записку, которую оставил ему Хорхе. Хорхе вначале не очень посвящал паренька в свое дело, хотя честно предупредил, что у него могут быть серьезные неприятности, если об этом узнает полиция. Хуан не испугался и хорошо помнил только удивление, что записку пришлось передать человеку, который носил ботинки с такими шикарными медными пряжками.

Уже позже Хорхе научил его основным правилам конспирации, и уроки эти прошли не зря. Не раз Хуан ускользал от агентов батистовской охраны, следуя советам Хорхе. Знакомство их было недолгим. Уже после революции Хуан узнал, что Хорхе погиб в горах Сьерра-Маэстра.

Хуан по деревянной времянке поднимается на палубу судна, стоящего на стапелях. Диск солнца полностью выкатился на голубой купол, и в первых солнечных лучах часть палубы, покрытая рыжим суриком, загорается ярким костром. Там, где краску еще не успели положить, видны длинные синеватые рубцы сварки.

— Хорошая работа, — говорит тихонько Хуан, — не зря к нам присылают лучших сварщиков страны. Теперь-то мы, правда, можем похвастаться и своими кадрами. Взять хотя бы Оррина, парень делает такие швы, что иной хирург позавидует!

Хуан поднимается в капитанскую рубку и поглаживает шершавой рукой матово поблескивающий штурвал, спускается в трюм судна, временами ныряя в полутемные проемы будущих дверей и люков. Это тоже было установившейся привычкой начальника производства. Она родилась еще тогда, когда на судоверфи «Виктория-де-Хирон» строился первый металлический корабль «Кокаль». Хуан вновь поднялся на палубу. Разгулявшееся солнце уже начало выбеливать голубизну неба и добавило в море расплавленного серебра. Вода стала бледной, под стать небу. Море и небо слились настолько, что трудно было различить вдали привычную линию горизонта, и казалось, что чайки, вода свой бесконечный хоровод, совершенно свободно царствуют в обеих стихиях, не чувствуя разницы между двумя океанами.

Второй гудок судоверфи застал начальника производства Хуана Гарсиа уже на земле. Он еще раз окинул придирчивым взглядом покоящееся на стапелях судно и в который раз залюбовался гордыми линиями уходящего вверх носа корабля. Хуан снова перебрал в памяти тот список неотложных дел, который он составлял ежедневно, и отправился к воротам верфи. Навстречу ему уже шли первые корабли.

Гавана.

СОБЫТИЕ ОГРОМНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ЭТО И НАША ПРОГРАММА

Польская общественность с неослабным вниманием следила за визитом Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки. Результаты этой поездки были встречены в Польской Народной Республике с глубоким удовлетворением. Как оценивают граждане народной Польши шаги Советского Союза по осуществлению разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира?

На этот вопрос корреспондента польского агентства «Интерпресс» отвечают:

ЕЖИ ДРЕВНЯК, рабочий металлургического завода «Варшава»:

— Трудящиеся Польши высоко ценят внешнеполитические инициативы Советского Союза. Прежде всего потому, что их цель — мир и благо всех народов мира. С неослабевающим интересом я следил за всеми сообщениями из США в те дни, когда там находился товарищ Л. И. Брежнев. Эта поездка является важным этапом на пути обеспечения мира и безопасности во всем мире. Именно благодаря Советскому Союзу, который гарантирует безопасность нашей страны, мы можем уверенно созидать наше завтра.

Я бы назвал внешней политикой СССР политикой трудового народа — рабочих и крестьян, служащих, интеллигенции, потому что это мирное наступление выражает чаяния трудящихся всей нашей планеты. Эта политика органически связана с внутренней политикой СССР, направленной на создание лучших условий жизни и труда советских людей. Эта политика защищает также завоевания нашей страны — народной Польши и позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее.

ОЛЬГЕРД ВОЛЬЧЕК, вице-президент Польского астрономического общества, доктор наук:

— Миротворительная политика Советского Союза вытекает из самой сущности социалистической системы. КПСС и Советское правительство уже в течение долгого времени предпринимают многочисленные шаги, направленные на укрепление мира во всем мире.

Мирное наступление советской дипломатии принесло уже и постоянно приносит богатые и хорошие нам известные плоды. После визита Л. И. Брежнева в США можно говорить о том, что международные отношения коренным образом перестраиваются в пользу мира и укрепления безопасности народов.

Советская внешняя политика, политика утверждения мира на нашей планете, неразрывно связана с именем Леонида Ильича Брежнева. Результаты поездки Генерального секретаря ЦК КПСС в США можно поистине считать историческими. Особенно велико значение подписанного между СССР и США Соглашения о предотвращении ядерной войны. Новая ступень развития советско-американских отношений принесет ощутимую пользу всем народам мира, всему человечеству.

ПОЛИТИКА МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Люди моего поколения в Болгарии пережили на своем веку тяжелые, кровопролитные войны. Балканские народы, близкие по своим историческим судьбам, по языку и культуре, были в прошлом неоднократно вовлечены в междоусобные войны из-за чуждых им интересов, интересов борющихся между собой капиталистических группировок. Трудящиеся Болгарии, принесшие в годы буржуазного строя много жертв, измученные голодом и эксплуатацией, твердо знали, что с победой Великого Октября возникла надежная опора мира во всем мире — Советский Союз, его Коммунистическая партия. Не пассивный пацифизм, а энергичная борьба за мир, против мировой реакции — вот что сердцем принял болгарский народ.

В годы народной власти линия Болгарской коммунистической партии на международной арене — это миротворительная политика, основанная на признании принципов суверенитета, невмешательства в дела других народов, нерушимости границ. Вот почему трудящиеся Болгарии от души приветствовали визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США.

Соотношение политических и военных сил в мире сегодня таково, что руководящие круги на Западе все больше проявляют реалистический подход к международным отношениям. Визит Л. И. Брежнева в Бонн был встречен самыми широкими кругами общественности как акт мира, как дальнейшее развитие политики мирного сосуществования между государствами с различными общественными системами. Трудящиеся Болгарии выразили свое глубокое удовлетворение результатами визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки.

Внешняя политика Советского Союза основана на ленинском Декрете о мире. Она нашла блестящее развитие в Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС. Огромный вклад в претворение в жизнь ленинской внешней политики Советского Союза внес апрельский Пленум ЦК КПСС. Расширению мирного сотрудничества между народами будут способствовать Общемировое совещание по вопросам безопасности и сотрудничества, прогресс на консультациях в Вене по подготовке переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Большие надежды возлагает прогрессивное человечество на предстоящий Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве.

Болгарская коммунистическая партия, Отечественный фронт, весь болгарский народ горячо поддерживают советскую внешнюю политику, вносят свой вклад в общие усилия социалистического сотрудничества по укреплению международной безопасности. Визит в Болгарию члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного явился новым шагом в укреплении нашей дружбы с Советским Союзом, новым выражением большого внимания Советской страны и родине Димитрова.

Следуя общим курсом социалистических стран, Болгария проводит активную международную политику мира и сотрудничества.

АНГЕЛ ТОДОРОВ,
болгарский писатель, лауреат Димитровской премии

(АПН)
София.

БУДЕМ ТОРГОВАТЬ

Торговое соглашение, заключенное между СССР и США, уже приносит свои плоды. За последний год объем торговли между обеими странами возрос в несколько раз.

Дело сдвинулось с мертвой точки. Если мы и дальше будем работать столь же энергично, это приведет к укреплению торговых связей, что, в свою очередь, положительно скажется и на наших политических взаимоотношениях. Главным результатом визита Л. И. Брежнева в США является дальнейшее расширение сотрудничества между нашими странами во многих областях: по линии культурного обмена, по линии совместных исследований. Более конкретным становится и наше экономическое сотрудничество. Прошел год после московской встречи, Вашингтонская встреча подвела итоги и наметила новые перспективы.

СТИВЕН ЛАЗАРУС,
помощник Президента США
по вопросам торговли

ВАЖНО ДЛЯ ВСЕХ

Визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ и в США взаимосвязаны и дополняют друг друга как события первоочередной важности в европейской и мировой политике. Эта взаимосвязь проявляется как в сходных, так и специфических чертах, присущих советско-западногерманской и советско-американской встречам на высших уровнях.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС на берега Рейна в мае завершил процесс нормализации отношений между ФРГ и Советским Союзом. Переговоры между Л. И. Брежневым и Р. Никсоном свидетельствуют, что оба государственных деятеля, стоящих во главе самых могущественных государств Востока и Запада, явно осознают свою конкретную ответственность за судьбы мира.

Советский Союз и США призваны

ФИЛЬМ НА ГЛАВНУЮ ТЕМУ

Есть глубокая логика в том, что после торжественного открытия Международного кинофестиваля в Кремлевском Дворце съездов 10 июля 1973 года первым был показан новый цветной документальный фильм о визите Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки: этот фильм с первого до последнего кадра — о мире, о дружбе и взаимопонимании.

Фильм многоцветный, яркий, насыщенный действием, фильм необычный.

После показа проводов тов. Л. И. Брежнева в Внуковском аэродроме кинолента знакомит зрителей с некоторыми эпизодами биографии Леонида Ильича, демонстрируя фотографии прошлых лет и подчеркивая, что советскому руководителю, который летит сейчас к президенту США, чтобы договориться по вопросу обеспече-

«Во имя мира на земле. Визит Л. И. Брежнева в США». Операторы А. Истомин, В. Киселев, И. Филатов. Режиссер И. Сеткина. Производство ЦСДФ, 1973 год.

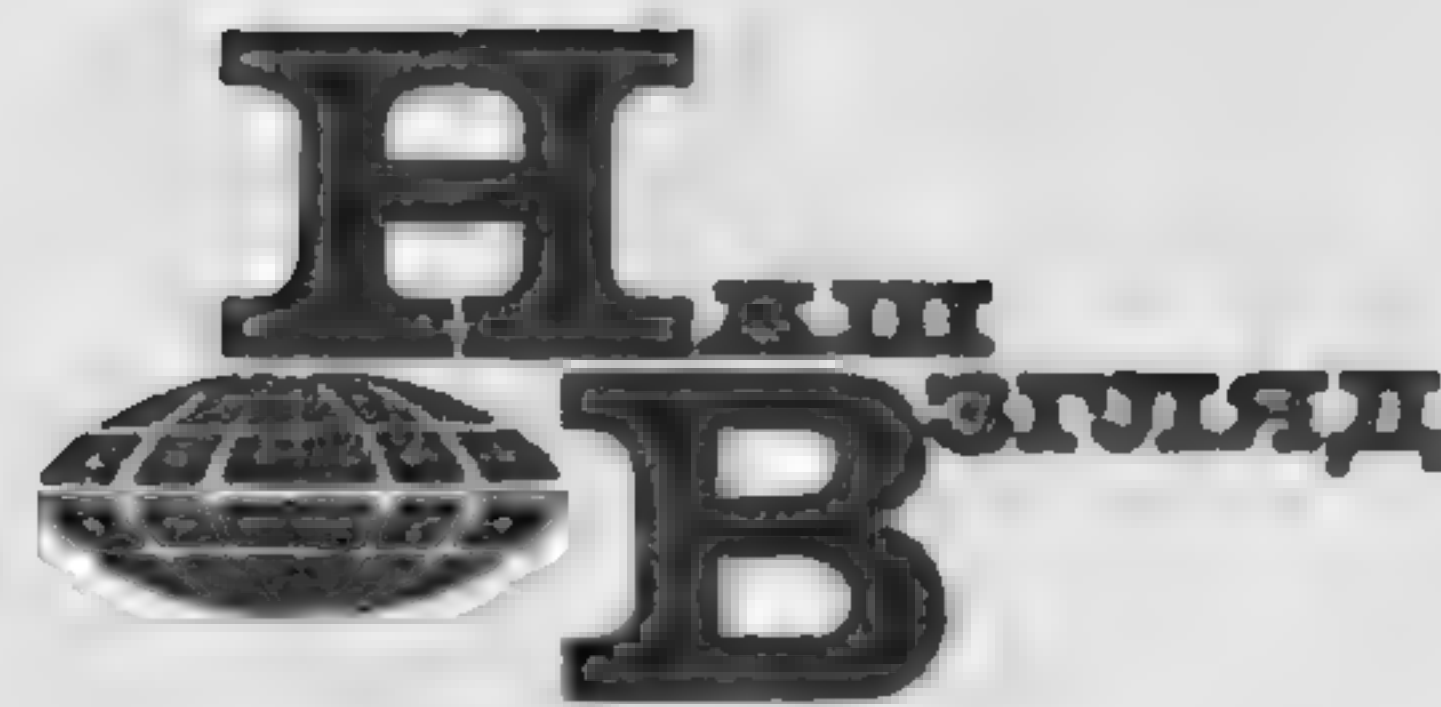
ния прочного мира народам обеих стран, об упрочении безопасности всех народов, очень хорошо известно, что несет с собой война людям.

На экране возникает Вашингтон. Камера ведет нас по проспектам американской столицы, готовой встретить высокопоставленного гостя, — вывешены флаги СССР и США, яркие плакаты с надписью «Добро пожаловать, Леонид Брежнев!».

Многое мы уже видели раньше по телевидению — встречу, переговоры, подписание соглашений. Но сейчас все воспринимается заново: яркая палитра красок дополняет известные события, ворвавшись цвет усиливает впечатление, заставляет вновь пережить те незабываемые дни и часы...

Красочные мундиры гвардии и представителей всех родов войск, участвующих в пышном церемониале встречи, выделяются на пронзительно-зеленой южной лужайке Белого дома; радужный перелив костюмов встречающих американцев; официально-строгий тон в одежде членов правительства; сотни красных флажков, затрепетавших над головами собравшихся в момент приземления вертолета, в котором находится Генеральный секретарь ЦК КПСС. Выразительно переданы в фильме переговоры и подписание соглашения, открывающих новую эру в истории советско-американских отношений; беседы Леонида Ильича с сенаторами, с представителями деловых кругов США.

ВРЕМЯ ДОБРЫХ ПЕРЕМЕН

Николай ПОЛЯНОВ

ны сыграть основную роль в решении таких проблем, как необходимость урегулирования в кризисных очагах планеты, как ограничение стратегических вооружений. Прогресс в этих областях, климат всеобщей разрядки, установлению которого должна способствовать вашингтонская встреча, будут благоприятствовать решению вопросов, связанных с общеевропейской безопасностью и взаимным сокращением вооружений в Европе.

В свою очередь, дальнейшее улучшение отношений между странами различного социального строя в Европе и укрепление сотрудничества между ними является важнейшей составной частью всемирной разрядки, открывающей новую эпоху — эпоху перехода от конфронтации к сотрудничеству.

Хотя экономическое сотрудничество между Востоком и Западом не относится прямо к моей компетенции, хотелось подчеркнуть как важное обстоятельство, что советско-западногерманская и советско-американская встречи в верхах будут способствовать дальнейшему развитию экономических связей и кооперации между Советским Союзом и важнейшими промышленными странами Запада.

Перспективы, открывающиеся здесь, настолько велики — достаточно упомянуть лишь о возможности создания всемирной энергосистемы и совместной эксплуатации сырьевых ресурсов, — что, как мне кажется, не может быть и речи о соперничестве западных стран на советском рынке: здесь следует говорить о взаимосвязи наших усилий, дополняющих друг друга. В частности, огромный американский потенциал в деле совместного освоения источников энергетического сырья может быть к общей выгоде дополнен большим опытом, накопленным ФРГ и другими западноевропейскими странами в ведении дел с Советским Союзом. Вот почему я считаю вполне возможным заключение в обозримом будущем крупных многосторонних сделок между Советским Союзом и западными консорциумами, в которых смогут принять участие как американские, так и западногерманские фирмы и банки.

К. МЕРШ,
парламентский секретарь
МИД ФРГ

Вместе с кинокамерой мы переносимся на юг западного побережья США, в Сан-Клементе (Калифорния), где происходил второй этап переговоров. Пышная природа: пальмы, яркое солнце, бескрайняя синяя гладь океана с кипящей волной прибоя вдоль песчаного берега... Здесь, неподалеку от Лос-Анджелеса, руководители двух государств проводили такую же напряженную работу, как и в Вашингтоне. Эта работа была успешно завершена, подписан ряд важнейших документов, направленных на сохранение и укрепление мира, определены пути развития будущих советско-американских отношений.

Когда, улетая из гостеприимных Соединенных Штатов, на аэродроме Эндрюс Леонид Ильич Брежнев, закончив краткую прощальную речь, сказал: «До новых встреч!» — люди доброй воли не могли не оценить искренность и надежду, с какими были произнесены эти слова, не могли не поверить в правильность взятого курса, намеченного Программой мира, которую провозгласил XXIV съезд КПСС.

Этими словами заканчивается уникальный по значению, отточенный по форме фильм, объединивший забываемые кадры, ценность которых умножит история, неумолимая поступь времени.

Гости фестиваля, кинематографисты многих стран и московские зрители устроили овацию этому фильму — важнейшему документу эпохи укрепления мира и безопасности народов.

Кэмп-Дэвид близ Вашингтона, Сан-Клементе близ Лос-Анджелеса, Рамбуйе близ Парижа... Маленькие точки на политической карте мира, превратившиеся из символов географических в символы политические. Почти месяц прошел уже с того памятного дня, когда воздушный лайнер с высоким советским гостем на борту поднялся с бетонной дорожки военной базы Эндрюс, расположенной близ североамериканской столицы, и взял курс на Париж. А для мира темой номер один по-прежнему остается советско-американская встреча в верхах. Еще продолжались беседы Л. И. Брежнева с президентом Ричардом Никсоном, а газеты и радиостанции уже говорили на двенадцати языках о значении документов, подписанных в Белом доме.

Соглашение о предотвращении ядерной войны. Одно оно дает человечеству так много, что сказать об этом кратко весьма трудно. Самое смелое воображение едва ли способно нарисовать картину погашенной жизни на планете. А подобная картина стала бы действительностью, если бы разразилась термоядерная катастрофа. Отныне две самые мощные державы земли торжественно обещали сделать все, чтобы предотвратить ее. Можно сказать, что смертоносная спираль гонки вооружений как бы уперлась в потолок. Да и саму эту спираль наверняка застопорят, заставят раскручиваться, так сказать, в обратном направлении. Надежду на это дают и другие соглашения, заключенные между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В частности, договоренность об «Основных принципах переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений».

Похоже, мало было проблем общечеловеческого масштаба — от тех, которые возникают в космических высотах, до тех, которые скрываются в океанских глубинах, — которые не стали бы предметом переговоров на советско-американском высшем уровне. Советский Союз и Соединенные Штаты самой логикой развития должны были поставить крест на опасном военном противостоянии и проложить путь к мирному сосуществованию. Иной разумной альтернативы просто нет, и третьего пути не существует. Вместе с миллионами своих соотечественников американский конгрессмен Джеральд Форд недаром заметил: «Надеюсь и верю, что переговоры между Леонидом Брежневым и Ричардом Никсоном пойдут на благо советскому народу, американскому народу и всему миру в целом». Сегодня мы можем с полным правом сказать: эта надежда оправдалась!

Мир продолжает говорить о встречах в верхах — в Вашингтоне, на калифорнийском побережье Америки, в замке Рамбуйе на французской земле. Понятен этот интерес к событиям, чье мощное излучение ощущается и в самом отдаленном уголке планеты. Ведь они как бы знаменуют добрые перемены, происходящие в мире. Чтобы осознать в полной мере значение этих перемен, стоит оглянуться назад — на десять—двадцать лет. Изморозь «холодной войны» покрывала тогда международную политическую арену. Демоны вражды, взлелеянные реакционными кругами, претендовали на главную роль. Европу прорезала в ту пору невидимая линия с севера на юг — от норвежских фиордов до бурых скал Мальты и голубых волн Эгейского моря. Казалось, вдоль этой линии, к западу от нее, выстроилась молчаливая рать пороховых бочек, которые в любую минуту могли взлететь в воздух: то был рубеж военного противостояния, где лицом к лицу сошлись сильнейшие армии.

Нужны были великая мудрость и реализм, чтобы не дать загореться бикфордовым шнурам «холодной войны». Такую миссию и взял на себя Советский Союз. Программа мира, принятая XXIV съездом нашей партии, не только воплотила в себе здравый смысл и жизнеутверждающую силу внешней политики социализма, — она стала универсальной программой для решения самых острых, самых животрепещущих проблем человечества в последней трети двадцатого столетия. Встречи в верхах — в Москве, в Париже, в Бонне, в Вашингтоне — стали вехами на пути ее претворения в действительность. Такой вехой становится и форум европейских государств, Соединенных Штатов и Канады в Хельсинки, который завершил недавно первый этап своей работы. Проект Генеральной декларации, предложенный Советским Союзом на этом форуме, сразу оказался в центре внимания государственных деятелей и дипломатов, самой широкой общественности.

Мир вступил на путь добрых перемен. Бывший посол Соединенных Штатов в Советском Союзе Джекоб Бим был предельно лапидарен, когда корреспондент американского еженедельника «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» недавно спросил: как посол оценивает встречу на высшем уровне между Леонидом Ильичем Брежневым и президентом Никсоном — как успех или неудачу? «Как успех!» — сказал г-н Бим. И добавил: «Главное в том, что эта встреча показала, сколь эффективно может функционировать механизм переговоров между двумя державами. Мы нашли хороший подход к отношениям между Соединенными Штатами и Советским Союзом, и мы сейчас следуем этим курсом. Мы, видимо, достигли самой высокой точки, до которой когда-либо поднимались в советско-американских отношениях. И это хорошо уже само по себе».

Это хорошо для всех. И для советских людей, и для американцев, и для других народов. Конечно, наивно полагать, будто мир уже избавился от всех угроз, будто спокойствие и безопасность сами упадут к нашим ногам, будто демоны вражды перестали действовать на международной сцене, навсегда перекочевав на сцену оперную. Нет, бдительность нужна и сегодня. Вдоль невидимых линий — то здесь, то там — еще дремлют пороховые бочки. Но сегодня уже есть уверенность: бикфордовы шнуры не дадим зажечь!

Кремль в Москве и Белый дом в Вашингтоне. Там встречались на высшем уровне руководители Советского Союза и Соединенных Штатов. Об этих встречах говорят теперь мир, потому что они знаменуют поворот к разрядке. И о них всегда будут вспоминать люди, возвращаясь мыслью в наше беспокойное и удивительное время.

ГОЛОСКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Герой Социалистического Труда Георгий Константинович Прокус — прославленный капитан рыболовецких судов. На этот раз рапорт тех, кто вернулся из дальних морских походов, он принимает на суше.
Фото А. Гостева.

СВЕТЛЫЙ ВСТРЕЧАЕТ НЕПТУНА

...Заговорил, загремел пушечными залпами, засверкали необычными красками праздник. Этот день в городе Светлом, Калининградской области, любят и ждут. Потому что только раз в году, в День рыбака, можно увидеть въезжающего властелина морских пучин Нептуна с многочисленной свитой. В День рыбака он появляется перед обитателями суши — и успеть на берегу ему предстоит многое!

Я попросил первого секретаря горкома партии Ивана Ивановича Петушкова рассказать о том, как живут и трудятся жители Светлого.

— Сегодня интервью давать легко. Полугодие третьего, решающего наши рыбаки, рыбообработчики и судоремонтники значительно перевыполнили. Я не буду вас утомлять цифрами, тем более, что надо спешить к Нептуну, — улыбнулся Иван Иванович. — Но давайте отме-

тим успешную работу бригады Сунмина, которая шагнула уже в десятую пятилетку. Кто не любит салаку! Так вот именно ее да еще угля, леща, судака рыбаки Сунмина выловили более двенадцати тысяч центнеров. Это свыше двух годовых планов. Колхоз «За родину» — одно из крупнейших хозяйств прибалтийского бассейна.

Мне хочется подчеркнуть, что не только в здешних водах добывают рыбу колхозники. Даже у берегов Афри-

ки сейчас несколько сейнеров. И в Южной и в Северной Атлантике работают колхозные суда. Кстати, почитайте вот эту праздничную радиogramму. Она адресована тем, кто сейчас далеко от нас. Тем, кто в море!

А праздник разгорался. Веселье царило в городе и его окрестностях. Буфеты, огражденные рыбацкими сетями, музыка, цветы и стихи.

Нептун и его свита здорово потрудились в этот день. Они приняли рапорты от

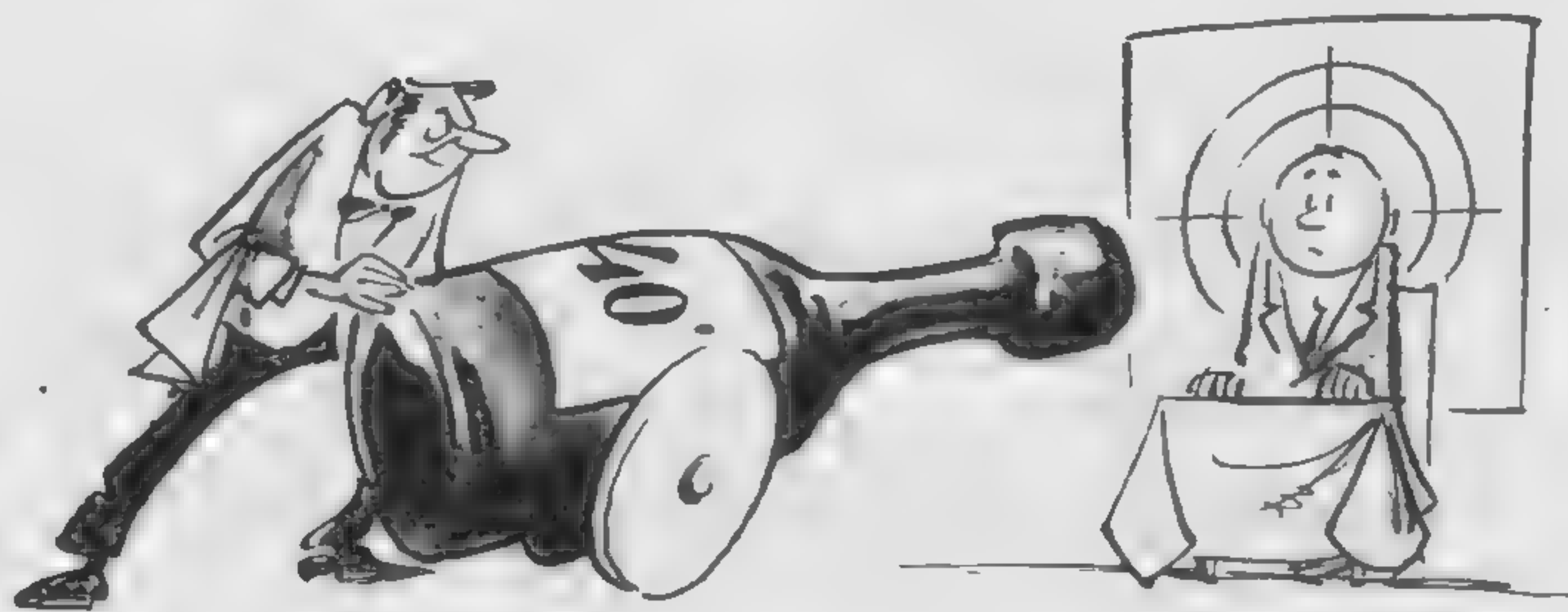
предприятий рыбной промышленности, судоремонтников и рыбаков. Рапорты были вписаны в огромные книги в ярких, цвета морской волны, переплетах. Кульминация праздника — посвящение в рыбаки. Несколько молодых ребят помощники Нептуна окунули в огромную купель. Я разговаривал с юными рыбаками. На все мои вопросы был один ответ: очень хочется в море!

Лимарий СЕМЕНОВ

Весь город встрепал Нептуна...

Ц. СОЛОДАРЬ

А что будем пить?

Шли два приятеля вечернею порой и вели оживленный разговор, полный восторженных междометий и радостных восклицаний.

Встречные провожали их улыбками, словно догадывались, что Сергей Святославович и Василий Владиславович после многолетней разлуки случайно встретились в этом городе, где когда-то вместе грызли гранит науки в институтских аудиториях и лабораториях.

Поглощенные беседой, друзья не замечали новых высоких домов, выросших на центральной улице города. Не заметили бы, вероятно, и ажурного подковообразного здания, если бы прямо перед их глазами на фронто-не не загорелось ласковым неоновым словом «Ресторан».

Улыбчивый официант с рыжим хохолком тоже, видимо, уловил, что приятелям сейчас ни до кого нет дела, что им хочется всласть выговориться друг перед другом. И когда они облюбовали столики в дальнем от оркестра углу, одобрителем замечал:

— Обеспечим вам полный тет-а-тет. На всякий пожарный уберем лишние стулья — и вам ничто не подсядет.

Даже не заглянув в напечатанное на мажорочной бумаге и скрепленное тремя размашистыми подписями меню, друзья по совету любезного официанта быстро заказали ужин и снова вернулись к дорогим воспоминаниям студенческих лет.

— А что будем пить?

Вопрос этот прозвучал в устах официанта столь многозначительно, а монументальная «Карта вин и напитков» в ледериновой, с голубым тиснением обложке показала приятелям столь внушительной, что они даже ощутили чувство вины из-за того, что посмели пренебречь решением такой важной проблемы.

— А что вы посоветуете? — спросил официанта Сергей Святославович.

— Выбор у нас на уровне среднеевропейского стандарта, — вежливо осклабил официант, как бы подчеркивая, что не хочет быть навязчивым, когда речь идет о сугубо индивидуальных вкусах и наклонностях. — Можете лично убедиться. — И едва уловимым движением дирижера, перелистываящего партитуру, раскрыл ледериновую обложку. — В наличии имеются и импортные ликеро-водочные изделия. На четвертой странице обратите внимание на большой выбор коньяков — от трех звездочек до целого созвездия. На пятой поинтересуйтесь коктейлями...

Клиенты, однако, не спешили вчитаться в шестистраничный перечень вин и напитков. А Василий Владиславович мечтательно улыбнулся официанту.

— Когда легковесен и молод я был, то, так сказать, прекраснейший квас в этом городе пил. Шипучий, пахучий! С изюминкой. Как шибанет, бывало, в нос...

— Да, здешний квасок был выше уровня среднеевропейского стандарта, — подхватил Сергей Святославович. — Будьте любезны, товарищ официант, принесите нам большой графинчик кваску. А лучше — парочку!

Официант взглянул на любителей кваса с той помесью сочувствия и снисходительности, с какой ярко выраженные интеллигентны взирают на безнадежно отсталых людей.

— Квас отпущается на оживленных перекрестках из специальных автоцистерн в порядке живой очереди. А вы, товарищи клиенты, на данном отрезке времени находитесь в ресторане первого разряда, — с достоинством подчеркнул труженик общественного питания.

— Морс, надеюсь, не противопоказан первому разряду? — полюбопытствовал Василий Владиславович.

— Морс относится к сфере домашних напитков, — популярно разъяснил официант. — Кому повезет на хозяйственную тещу, тот и получает дома холоденький морс... Итак, что ж мы все-таки будем пить?

В словах «все-таки» прозвело столько металла, что Василий Владиславович поспешил ответить:

— Лично мне в общем и целом все равно: можно рябину, а можно и сливу.

— Имеете в виду настоячку или ликерчик? — оживился официант, вооружившись карандашом.

— Имею в виду фруктовую воду. А ежели не найдется, принесите, пожалуйста, элементарный лимонад или тот самый душистый напиток, который в дни моей молодости носил название сидра.

Официант невнятно пробормотал, что от слова «сидра» отдает проклятым дореволюционным прошлым, и с надеждой посмотрел на Сергея Святославовича.

— А я попрошу боржом, — беззаботно ответил тот. — Впрочем, можно и нарзан.

Понятно, — с неприкрытым холодком отметил официант. И небрежно черкнул карандашиком: фруктовка — раз, минералка — два.

Вскоре он вернулся с двумя бутылками. На жалких клочках этикеток нельзя было ничего разобрать, так что официанту пришлось предупредить:

— Которая коричневая — фруктовая. А которая с пузырьками — минеральная.

Однако, как тут же установил Сергей Святославович, минеральная отличалась не столько пузырьками, сколько горьковато-солонатовым привкусом.

— Странный у вас боржом, — нахмурился он. — И на нарзан тоже вроде непохоже. Что вы мне дали?

— Минерку, — ответил официант. — А на солонатовость внимания не обращайтесь. «Полюстровская» — она всегда такая.

— Как, это «Полюстровская»? — испуганно воскликнул Сергей Святославович. — Мне не нужны кальциевые и фосфатные вещества!

— Я же не утверждаю, что именно «Полюстровская», — успокоил его официант. — Наилейки при транспортировке исчезают. Возможно, сегодня у нас выбросили «Лужанскую» или «Славяновскую». А вполне возможно, что с базы подбросили «Миргородскую», знаете, из того самого города, про который наш великий классик Гоголь...

— А мне что вы принесли? — прервал его взволнованный Василий Владиславович. — Специально подогревали, что ли? И затем взгляните, какой осадок, — показал он официанту бокал. — Сплошные хлопья!

— А это, товарищ клиент, от течения времени, — тряхнул рыжим хохолком научно подкованный официант. — Как известно, длительное хранение благоприятно действует только на спирто-водочные напитки, — словно цитируя учебник, внятно произнес он. — А ваша сливовая, или грушевая, или вовсе апельсиновая — словом, фруктовая хранится уже больше недели. Но переживать не стоит, осадок на ваше здоровье никак не повлияет...

«Ет» он уже произнес не успел, так как наметанным глазом приметил появившихся двух новых посетителей.

Один был толст, приземист и лыс, другой худ, долговяз и шевелюрист. Но обоих роднило величественно-брезгливое выражение лица и напизный прищур глаз, по которым бывалые официанты безошибочно узнают клиентов, абсолютно равнодушных к качеству «закуски», но зато придающих первостепенное значение количеству горячительных напитков.

— Имеются два местечка, — предупредительно показал им официант на столики, от которого еще так недавно собирался убрать два лишних стула.

Оглядев критическим взглядом Сергея Святославовича и Василия Владиславовича, толстяк опасливо поморщился.

— Чересчур уж кандидатский вид у хмуриков. Боюсь, не сможем мы при них обмыть, как положено, покупку усовершенствованного шотопора. Произнесешь ненароком какое-нибудь не вполне научное слово, а эти принципиальщики кликнули дружинников.

— Наоборот, — горячо воскликнул официант, — вам повезло! Пусть они даже члены корреспонденты, но требуют только безалкогольное пойло. Значит, — доверительно подмигнув он толстяку, — я вам на законном основании могу подать любой напиток в двойной порции!

— Идея, — сразу же уловил верзила с шевелюрой ценность этого предложения и вместе с лысым толстяком солидно проследовал к столику, за которым погрузневшие друзья уже

не предавались розовым воспоминаниям о днях молодости.

— Придется вас доукомплектовать, — начальнически сообщил им официант.

Он резко сдвинул на самый краешек стола минеральную и фруктовую, а через несколько минут эффектно водрузил в центре мельхиоровое ведро со льдом, из которого кокетливо поблескивали горлышки двух водочных бутылок. Вокруг ведерца, строго блюда дистанцию между бутылками, он выставил, словно нараву, полдюжины пива.

Нежданные соседи, которых официант величал не клиентами, а гостями, громко чокались. А помрачневшим Сергею Святославовичу и Василию Владиславовичу стало почему-то казаться, что они очутились в совершенно незнакомом городе, что им совершенно нечего сказать друг другу, а надо поскорее расстаться...

Хотя все вышеизложенное списано, как говорится, с натуры, автор для перестраховки счел нужным показать эти строки директорам нескольких ресторанов: а вдруг допущена какая-нибудь терминологическая ошибка, а вдруг из приведенных фактов вытекают нездоровые обобщения по адресу славной семьи наших работников общественного питания, а вдруг...

— Жизненная правда в вашем произведении, безусловно, налично, — бодро успокоил автора первый директор. — Но и вверенному мне «Руслану» ваши художественные образы никакого отношения, слава богу, не имеют: вот уже два квартала подряд нас снабжают одной только «Батальской». Получается, «Миргородскую» клиентам подали, допустим, где-нибудь в «Людмиле».

— Сгущения красок не усматриваю, — уверенно поддержал автора второй директор. — И весьма рад, что ваше сатирическое жало нацелено не на руководимую мною «Людмилу»: фруктовой воды с хлопьевидными осадками у нас подать не могли. Судите сами, мы получаем ее в таком ограниченном количестве, что к ужину не остается ни одной бутылки. Возможно, тонко подмеченный вами недопустимый фант имел место в «Черноморе»...

— Когда ваш вполне документальный рассказ будет опубликован, я лично проведу громкую читку среди официантского состава нашего «Черномора», — обрадовал автора третий директор. — Кстати, у нас ни одного рыжего или даже ярко-блондинистого официанта не имеется. Вот почему, полагаю, описываемая вами неблагоприятная история могла произойти либо, скажем, в «Руслане», либо, допустим, в «Людмиле». А скорее всего, уверен, в только что открывшемся «Ратмире»...

К директору новоиспеченного «Ратмира» автор предпочел не обращаться.

СЛУЖЕНИЕ

Вот документ — бережно хранимый отголосок юности: «Во время нападения шайки Курбаши Турдыбая в 1922 году под руководством Ярматова шайка отбита, дехканство спасено...»

Еще один документ: «За выдающиеся заслуги в развитии многонациональной советской кинематографии и в связи с семидесятилетием со дня рождения присвоить кинорежиссеру Ярматову Камиллю Ярматовичу звание Героя Социалистическо-

го Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Между документом, пожелтевшим за полвека, и совсем недавним долгая, нелегкая жизнь, насыщенная борьбой и творчеством.

Камиль Ярматов по праву может повторить слова Сергея Эйзенштейна: «...Если революция привела меня к искусству, то искусство целиком вошло в революцию...»

Когда революция ворвалась в небольшой среднеазиатский

город, Камиль учился. Он не смог оставаться в стороне от строительства новой жизни и пошел на культпросветработу. Так с первых дней Советской власти юноша внес вклад в народное дело. В шестнадцать лет он добровольно вступает в отряд Первого мусульманского полка Шестой кавалерийской бригады, участвует в разгроме последней цитадели феодально-байского строя в Средней Азии — Бухарского эмирата.

Потом Камилля Ярматова посылают в столицу, в институт железнодорожного транспорта. А кино?

— Кино захватило меня совершенно неожиданно, — рассказывает Камиль Ярматович. — В Москве шла одна забытая ныне картина. Она заворожала меня... Сеанс кончился, вместе со зрителями я покинул зал, но снова покупал билет и возвращался в кинотеатр... Товарищи по общеклассному поведению на меня с беспокойством. А однажды ко мне на улице подошел молодой человек из съемочной группы и предложил роль в фильме...

Началась жизнь в искусстве — десятки андерсских и режиссерских работ...

Когда смотришь фильм Ярматова «Всадники революции», чувствуется живое дыхание боя, трудно представить себе, что это «массовка». Наверное, в одной из таких схваток участвовал в юности режиссер...

Его привлекают образы людей умных, цельных, готовых отдать жизнь на благо народа.

Картины Ярматова «Авиценна», «Алишер Навои» известны всему миру. Какие бы фильмы ни ставил режиссер, каких бы героев ни выводил на экран — современников или людей минувших веков, — он всегда старается раскрыть духовное богатство, силу личности. Не случаен и нынешний его выбор: Ярматов снимает фильм об узбекской поэтессе Надире, современнице Пушкина.

Т. ЛОТИС

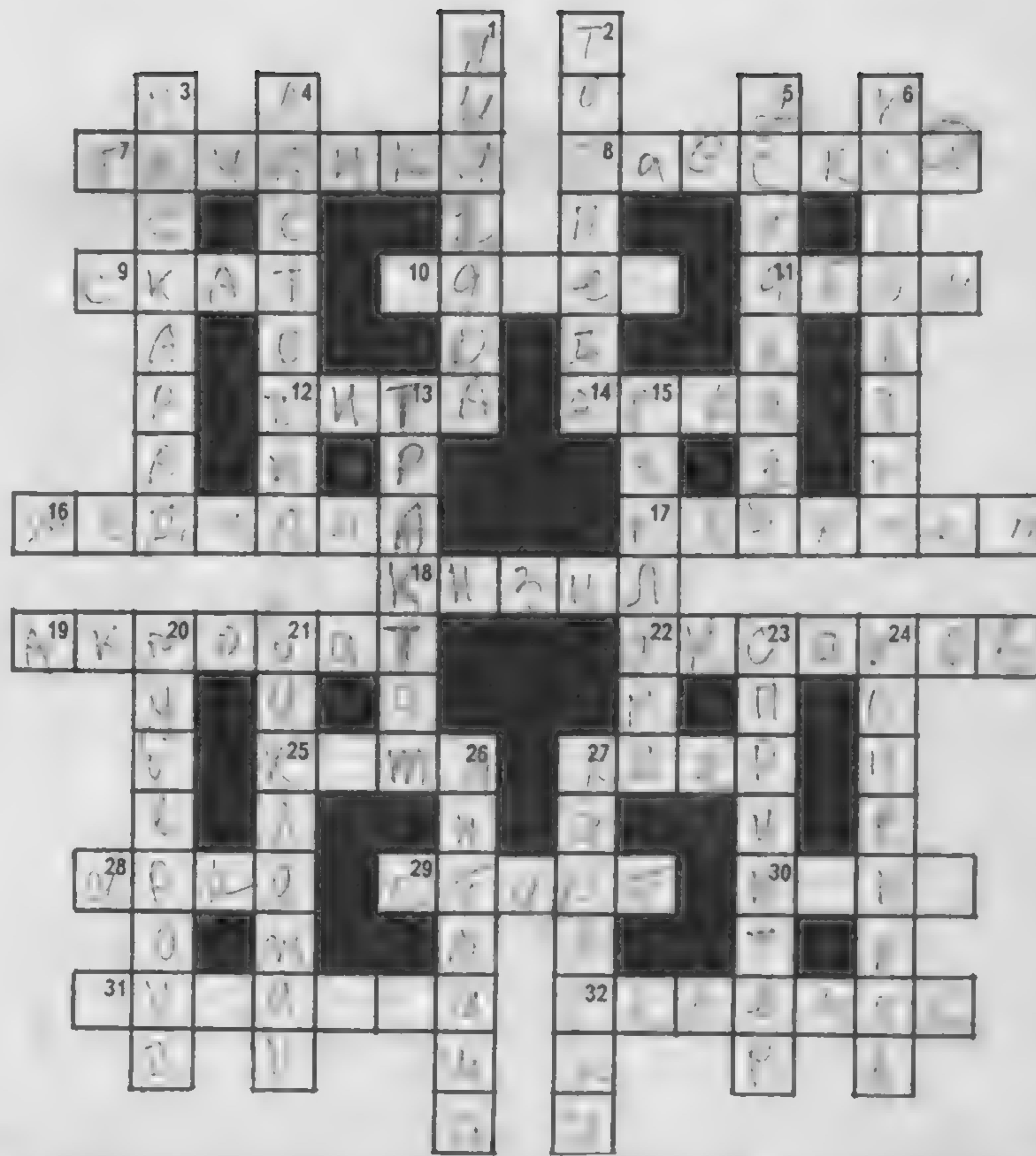
«НЕ СЛЕПЕШИТЕ
ЧИТАТЬ
БЫСТРО...»

«Огонек» (№ 26 за 1972 год) рассуждал о приборе для обучения быстрому чтению. Автор публикации сетовал на то, что назначение прибора и реклама его не сходятся в главном: в рекламе превосходные степени, в то время как сам прибор недоработан конструктивно.

После этого директор завода «Актюбрентген» И. Шкуренко прислал в редакцию письмо. «Коллектив завода «Актюбрентген», — писал директор, — разработал и в настоящее время осваивает в производстве прибор для обучения быстрому чтению — тахистоскоп «Казахстан». И не вина завода, если автор статьи не понял информации (то есть рекламной листовки. — Ред.) о приборе... И так далее, в том же духе. Мы в редакции даже огорчились: вот действительно не разобрались до конца...

Однако вскоре получили еще одно письмо, большим, видно, тиражом отпечатанное на гектографе, на ту же тему, о которой «Огонек» писал (см. № 26 1972 года) в заметке под рубрикой КВД «Не спешите читать быстро». Главный инженер завода «Актюбрентген» В. Гаврилов сообщает: «Поскольку в СССР нет координирующей организации, занимающейся проблемой увеличения скорости чтения, а разработанная методика обучения быстрочтению не получила одобрения Министерства просвещения, прибор для обучения быстрочтению не был рекомендован к серийному производству, и наш завод не будет его изготавливать. Очень сожалеем, что мы взяли на себя инициативу по освоению производства тахистоскопов, затратили довольно много сил на подготовку технологического оснащения и документации к этому изделию и дали широкую информацию о нем с целью выяснения покупательского спроса».

Конечно, противоречия в письмах, полученных редакцией, имеются. Но дело не только и не столько в этом. Прибор, обучающий быстрочтению, должен быть наконец разработан и освоен промышленностью.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Картина М. В. Грекова. 8. Персонаж романа Н. А. Гончарова «Обрыв». 9. Рыба со сплюснутым телом. 10. Древнегреческий философ-материалист. 11. Мельчайшая частица химического элемента. 12. Областной центр в РСФСР. 14. Щипковый музыкальный инструмент. 16. Отрезок прямой, соединяющей вершину треугольника с серединой противоположной стороны. 17. Басня И. А. Крылова. 18. Столица Тувинской АССР. 19. Цирковой артист. 22. Русский писатель. 25. Приток Лены. 27. Отдельный снимок на ленте кинофильма. 28. Дугообразное перекрытие. 29. Момент запуска ракеты. 30. Музыкальный интервал. 31. Спутник планеты Уран. 32. Русская народная сказка.

По вертикали: 1. Река в Северной Америке. 2. Самодвижущийся подводный снаряд. 3. Драма М. Ю. Лермонтова. 4. Быстролетающая птица. 5. Помост на столбах. 6. Единица мощности электрического тока. 13. Научное сочинение. 15. Торговое объявление. 20. Кровельный материал. 21. Овощ. 23. Бегун на короткие дистанции. 24. Советский скульптор. 26. Прыжок в балете. 27. Рамка с валиком в пишущей машинке.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 29

По горизонтали: 5. Бакшеев. 8. Павлов. 9. Бамбук. 10. Кострома. 11. Гольдони. 13. Олифа. 14. Секстет. 17. Трамвай. 19. Геленджик. 22. Геродот. 24. Ротатор. 26. «Столп». 28. Апельсин. 29. Лафонтен. 30. Ноябрь. 31. Индекс. 32. Волокно.

По вертикали: 1. «Саламбо». 2. Рессора. 3. Ванкувер. 4. Портрет. 6. Сардина. 7. Нумизмат. 12. «Мизантроп». 15. Сопло. 16. Трент. 17. Триер. 18. Марфа. 20. Медиатор. 21. Ботаника. 23. Давлури. 25. Тесина. 26. «Свисток». 27. Платина.

На первой странице обложки: Планет художника В. Брискина (издательство «Изобразительное искусство»).

На последней странице обложки: Вертолет помогает геологам. Бурятская АССР.

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международной — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-36-28; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/VII-73 г. А 02614. Подп. к печ. 17/VII-73 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1649. Тираж 2 180 000 экз. Заказ № 803.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Сергей Бондарчук представляет членов жюри.

ФЕСТИВАЛЬ — ДЕНЬ ЗА ДНЕМ...

Г. ЛОТИС
Фото Д. УХТОМСКОГО.

Накануне фестиваля журналисты спрашивали людей, покупавших билеты на будущие просмотры:

— Что вы хотите увидеть на фестивале, каковы ваши пожелания!

И почти все отвечали, что их волнует жизнь людей разных стран, ведь сейчас в мире столько изменений! Фестиваль даст возможность узнать новое, интересное.

В работе VIII Московского международного кинофестиваля приняли участие восемьдесят шесть стран. Наряду с кинематографистами всех социалистических стран, а также Франции, США демонстрируют свои киноленты и страны, впервые участвующие в фестивале, например, Венесуэла. Зрители, мало знакомые с жизнью этой страны, с огромным интересом смотрели фильм «Когда хочется плакать — не плачу», выгодно отличающийся от иных картин постановкой серьезных жизненных проблем, интересными режиссерскими и актерскими решениями.

Возле гостиницы «Россия» все время собираются любители кино: шутка ли — более тысячи гостей принимает наша столица, и среди них такие известные в

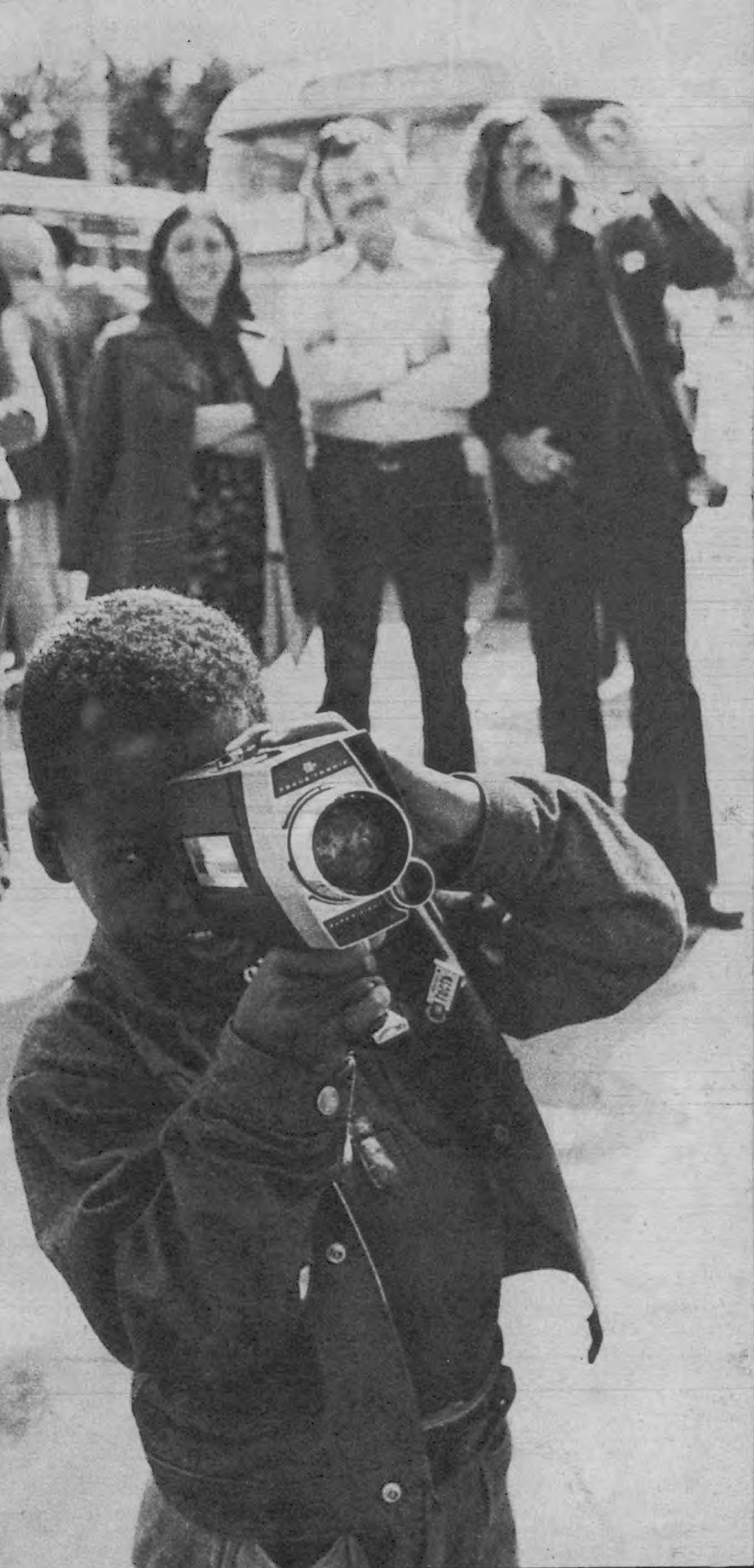
Советском Союзе кинематера, как Невена Коканова, Пола Ракса, Яна Бреихова, Джина Лоллобриджида, Тосиро Мифуне... Приехали на время фестиваля в Москву норвежский ученый и путешественник Тур Хейердал, итальянский писатель, автор «Чипполино» Джанни Родари, шведская писательница Астрид Линдгрен, рассказавшая детворе о Карлсоне, живущем на крыше... Ведь одновременно со «взрослым» успешно проходит и фестиваль детского кинематографа. Ленты, созданные для детей, демонстрируются во Дворце пионеров на Ленинских горах. Самая юная участница, четырехлетняя Лулу, приехала из Румынии, сыграв главную роль в фильме «Вероника». Кстати, дети не только играют в фильмах, но и обсуждают их: кроме взрослого жюри, возглавляемого Сергеем Михалковым, работает еще и жюри детское — это московские школьники. Среди призов есть премия за самый веселый фильм.

Фестиваль, разумеется, не только просмотры картин, это еще и знакомство наших зарубежных гостей с советским образом жизни, с людьми, работающими на крупных предпри-

ях, фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, знакомство с киностудиями, институтами... Каждое утро от гостиницы «Россия» разъезжаются автобусы в разные концы Москвы. Всегда много желающих посетить Кремль, Оружейную палату, познакомиться с достижениями науки и техники на ВДНХ... Гости побывали в Горках Ленинских, любовались удивительными по красоте местами Подмосковья.

Во время встреч завязываются не только дружеские знакомства, но и деловые связи между киноработниками разных стран, скажем, французский продюсер Жорж Шенко договорился с совместной работе с драматургом Г. Мдивани... Японская киноактриса Комати Курихара согласилась сниматься в фильме «Москва — любовь моя!», который будет ставить режиссер А. Митта. Ведутся переговоры о новой советско-индийской ленте...

На нынешнем фестивале представлено немало фильмов, где кинематера утверждают необходимость мира и дружбы всех народов. Эти фильмы отвечают всей атмосфере VIII Московского фестиваля, его превосходному высокому настроению.

- 1 Маленький Стефан из Сенегала — тоже гость фестиваля.
- 2 Кинематографисты ДРВ на заводе «Красный пролетарий».
- 3 Мексиканская актриса Елена Рохо и Олег Видов (СССР).
- 4 Гости из ФРГ осматривают Кремль.
- 5 Лүлу — румынская «кинозвезда».

- 6 Людмила Савельева и кубинка Эсминда Нуньес.
- 7 Первое интервью в Москве дает Яна Брейхова (ЧССР).
- 8 Сергей Михалков беседует с Джинной Лоллобриджидой.
- 9 Киноактеры из Болгарии: в центре — Виолетта Донева и Георгий Георгиев-Гец (справа) на Московском заводе шлифовальных станков.

4

5

6

8

9

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

